

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. В. ПРАВДИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА

I

ИМЕНА

ТАРТУ 1962

N69823

ПА 1А-2366

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

А. Б. ПРАВДИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОРФОЛОГИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА

I

ИМЕНА

ТАРТУ 1962

Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

А. Б. Правдин
ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

I
Имена

N

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

69823

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

Vastutav toimetaja T. Murnikova

TRÜ rotaprint 1962. Trükipoognaid 6.
Tir. 500 eks. MB 02867. Tell. nr.723.

Hind 20 kop.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее пособие по исторической морфологии русского языка содержит обзор развития имен существительных, местоимений, прилагательных и числительных и представляет собой обработанный и расширенный конспект лекций, которые были нами прочитаны для студентов отделения русского языка и литературы Тартуского государственного университета в осеннем семестре 1960/1961 учебного года.

Мы старались изложить материал по разделам в той последовательности, которая больше способствует его усвоению. Вместе с тем, имея в виду те же учебные цели, мы во многих случаях отказались от углубления в предисторию русского языка, тем более, что с общеславянскими морфологическими процессами студенты-филологи должны быть в достаточной мере знакомы из курса старославянского языка. Материал, приводимый в данном пособии, находится в соответствии с учебной программой. Однако в частностях мы позволили себе иной раз более подробно остановиться на тех моментах, которым в существующих пособиях уделяется меньше внимания, и наоборот, ограничиться более кратким изложением некоторых иных вопросов. Это было продиктовано в известной мере составом слушателей и общими требованиями учебного процесса в Тартуском государственном университете. Так, на развитие категории одушевленности имен существительных обращено несколько больше внимания, чем это обыкновенно делается, так как эта категория представляет известные трудности для студентов-эстонцев, которым в университете предстоит еще закрепить и развить свои знания в области русского языка и практические навыки русской речи. В связи с этим же обстоятельством в пособии кое-где даются пояснения примеров, иногда отмечаются места ударений. Параллели из западнославянских и южнославянских языков приводятся редко, лишь в случае необходимости. Несколько чаще приводятся параллели из украинского и белорусского языков. Из явлений диалектного характера уделяется внимание в первую очередь северно- и средневеликорусским, особенно тем, которые наблюдаются в Причудье и на Псковщине, по соседству с

Эстонской ССР.

Приводимые из памятников древнерусской письменности примеры в значительной мере те же, что встречаются и в других пособиях по исторической грамматике русского языка, начиная с "Лекций по истории русского языка" академика А.И.Соболевского. Собственные примеры относятся исключительно к более позднему периоду, с XIV века /так, в связи с развитием категории одушевленности нами подобран некоторый иллюстративный материал из деловой письменности и сборника пословиц XVII в./.

В приводимых примерах древнерусские написания упрощаются. Буквы, которых нет в современном гражданском шрифте, заменяются соответствующими русскими буквами. Сохраняется, впрочем, обозначение Ѣ /буква "ять"/; в примерах из старославянского языка сохраняются буквы "ѣс большой" /Ж/ и "ѣс малый" /А/.

Формы, не засвидетельствованные письменностью, снабжаются значком ⁺, помещаемым перед ними /например, ранне-праславянская форма вин.падежа ед.числа слова гость - ⁺gostĭ-ш/. Знаками 7 и / в отдельных случаях обозначается направление изменений.

І. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В древнерусском языке имя существительное обладало теми же грамматическими категориями, что и в наше время.

Категорией грамматического рода определялась принадлежность слова к одному из трех классов – мужскому, женскому и среднему. В области категории рода в истории русского языка не произошло крупных изменений. Впрочем, родовая принадлежность отдельных имен существительных могла с течением времени измениться. Если в современном русском языке слово мечта женского рода, то в древнерусском языке оно обыкновенно относилось к мужскому роду и имело форму мъчьть; совр. налог – в древнерусском языке часто налога.

Категория числа определяла форму имени существительного в зависимости от того, какое количество предметов обозначалось. В отличие от современного русского языка имелось особое двойственное число, которое употреблялось в тех случаях, когда речь шла о двух предметах. Как и в современном русском языке, имелись слова, не употреблявшиеся в формах единственного числа, отчасти те же, что и сейчас, например, сани, отчасти же другие, например, в ранний период истории русского языка, слово кѣнигы.

Категория падежа определяла изменения существительного в зависимости от выражения им различных отношений к другим словам в речи. Падежи были те же, что и в современном русском языке. Однако предложный падеж применительно к древнерусскому языку принято называть местным, так как он мог употребляться и без предлога, особенно в значении места. Помимо шести падежей, существовала еще особая звательная форма. Ее нередко называют звательным падежом, но это неверно: падеж выражает отношения существительного к другим словам, звательная же форма не выражает такого отношения, представляя собой самостоятельное предложение – обращение.

Система склонения имен существительных

Древнерусское склонение имен существительных обычно рас-
пределяют /как и старославянское/ по нескольким типам в со-

ответствии со старыми индоевропейскими основами на -а /-ā/, -о /-ō/, -у /-ū/, -и /-ī/ и на согласные звуки. Иногда выделяют еще один тип склонения, основы на -ы или -ьв /индоевр. -ī/, включавшие слова типа буки, род. п. букъве; однако чаще слова этого типа относят в качестве особой подгруппы к склонению именных основ на согласный звук.

I склонение - основы на -а:

Ед. число			Мн. число		
Им.	жена,	земля	Им.Зв.	жены,	земль
Р.	жены,	земль	Р.	женъ,	земль
Д.	женѣ,	земли	Д.	женамъ,	землямъ
В.	жену,	землю	В.	жены,	земль
Тв.	женою,	землею	Тв.	женами,	землями
М.	женѣ,	земли	М.	женахъ,	земляхъ
Зв.	жено,	земле			

Дв. число

Им.В.Зв.	женѣ,	земли
Р.М.	жену,	землю
Д.Тв.	женама,	земляма

Конечный гласный основы в некоторых падежных формах сохранился, например, в дат. падеже мн. числа /женамъ/.

Существительные, в основе которых находились заднеязычные согласные к, г, х, заменяли эти согласные свистящими ц, з, с в дат.-мест. падежах ед. числа и в им.-вин. дв. числа:
рука - руцѣ, нога - нозѣ, муха - мусѣ.

I склонение включало преимущественно слова женского рода; по этому типу склонялось также небольшое количество слов мужского рода - воевода, судия и нек. др.

II склонение - основы на -о:

Ед. число			Мн. число		
Им.	столъ,	конь	Им.Зв.	столи,	кони
Р.	стола,	коня	Р.	столь,	конь
Д.	столу,	коню	Д.	столомъ,	конемъ
В.	столъ,	конь	В.	столи,	конѣ
Тв.	столъмъ,	конъмъ	Тв.	столи,	кони
М.	столѣ,	кони	М.	столѣхъ,	конихъ
Зв.	столѣ,	коню			

Дв. число

Им. В. Зв. стола, коня

Р. М. столу, коню

Д. Тв. столама, конема

Конечный гласный основы в этом склонении сохраняется в форме дат. падежа мн. числа и дат. -тв. падежей дв. числа /сто-ломъ, столома/.

Существительные, в основе которых находились заднеязычные согласные к, г, х, перед окончаниями -ѣ и -и заменяли эти согласные свистящими ц, э, с; в зв. форме, перед окончанием -е, эти согласные заменялись шипящими ч, х, ш. Ср., например, вълкъ - мест. падеж ед. числа вълцѣ, мн. п. мн. числа вълци; зв. форма вълче.

Помимо слов мужского рода, ко II склонению относились также слова среднего рода типа село, поле. Их формы отличались от форм слов мужского рода лишь в им. и вин. падежах всех чисел:

Им. В. ед. ч. село, поле

Им. В. мн. ч. села, поля

Им. В. дв. ч. селѣ, поли

Зв. форма у слов среднего рода всегда совпадала с формой им. падежа.

Как видно из приведенных форм I и II склонений, внутри этих склонений выделяются мягкие варианты, имеющие отчасти особые падежные окончания. Возникновение мягких вариантов было вызвано влиянием звука -j, некогда находившегося в основах слов типа конь /⁺кoп-j-o-/, земля /⁺зeм-j-a/ и под.

III склонение - основы на -у:

Ед. число	Мн. число	Дв. число
Им. домъ	Им. Зв. домове	Им. В. Зв. дома
Р. дому	Р. домовѣ	Р. М. домову
Д. домови	Д. домѣмъ	Д. Тв. домѣма
В. домъ	В. дома	
Тв. домѣмъ	Тв. домѣми	
М. дому	М. домѣхъ	
Зв. дому		

Конечный гласный основы /индоевр. - ѱ / в отдельных падеж-

ных формах этого склонения чередовался с дифтонгом или удлинялся / \ddot{u} -о \ddot{u} - \ddot{u} /. Поэтому в славянских формах III склонения мы встречаем -ъ- /из - \ddot{u} /, например, в им. и вин. падежах ед. числа /домъ/, -у- и -ов- /из -о \ddot{u} /, например, в род. и дат. падежах ед. числа /дому, домови/ и, наконец, -м- /из - \ddot{u} /, например, в вин. падеже мн. числа /домы/.

В исторический период в это склонение входило несколько имен существительных мужского рода. Склонение рано стало разрушаться, и не все падежные формы в достаточной мере засвидетельствованы древнерусской письменностью.

IV склонение - основы на -и:

Ед. число		Мн. число		Дв. число
Им. звѣрь,	кость	Им. Зв. звѣрие,	кости	Им. В. Зв. звѣри,
Р. звѣри,	кости	Р. звѣрии,	кости	кости
Д. звѣри,	кости	Д. звѣрьмъ,	костымъ	Р. М. звѣрѣмъ,
В. звѣрь,	кость	В. звѣри,	кости	костив
Тв. звѣрьмъ,	костѣмъ	Тв. звѣрьми,	костями	Д. Тв. звѣрьма,
М. звѣри,	кости	М. звѣрьхъ,	костяхъ	костыма
Зв. звѣри,	кости			

Конечный гласный основы /индоевр. - \dot{I} / в этом склонении, подобно III склонению, чередовался с дифтонгом или удлинялся. Эти изменения / \dot{I} -е \dot{I} - \dot{I} / в славянских формах IV склонения отражаются в появлении -ъ- /из - \dot{I} /, например, в вин. падеже ед. числа /звѣрь/ или -и- и -ij- /из более древних - \dot{I} и -е \dot{I} /, например, в вин. падеже мн. числа /звѣри; гласный -и в этой форме из - \dot{I} / и в им. падеже мн. числа /звѣрие, точнее, zveřije, где -ij- из -е \dot{I} /.

IV склонение в древнерусском языке включало слова мужского и женского рода; как видно из приведенных выше форм, они различались окончаниями лишь в тв. падеже ед. числа и в им. падеже мн. числа.

V склонение - основы на согласные и -и /- \ddot{u} /:

Ед. число				
Им. Зв.	камы,	небо,	имя,	мати, буки
Р.	камене,	небесе,	имене,	матере, букъве
Д.	камени,	небеси,	имени,	матери, букъви

/Ед.число/

В. камень, небо, имя, мати, буквѣ
Тв. каменѣмъ, небесѣмъ, именѣмъ, материю, буквѣю
М. камене, небесе, имене, матере, буквѣе

Мн.число

Им.Зв. камене, небеса, имена, матери, буквѣи
Р. каменѣ, небесѣ, именѣ, матерѣ, буквѣѣ
Д. каменѣмъ, небесѣмъ, именѣмъ, матерѣмъ, буквѣамъ
В. камени, небеса, имена, матери, буквѣи
Тв. каменѣми, небесѣми, именѣми, матерѣми, буквѣами
М. каменѣхъ, небесѣхъ, именѣхъ, матерѣхъ, буквѣахъ

Дв.число

Им.В.Зв. камени, небесѣ, именѣ, матери, буквѣи
Р.М. камену, небесу, имену, материю, буквѣю
Д.Тв. каменѣма, небесѣма, именѣма, матерѣма, буквѣама

У склонение, подобно III склонению, также рано начинает раз-
рушаться, и некоторые падежные формы в первоначальном виде
даже в древнейших памятниках встречаются довольно редко.

У склонение включало слова всех трех родов.

Различия между древнерусским и старославянским именными
склонениями. Древнерусское склонение имен существительных в
ранний период истории русского языка лишь в незначительной
степени отличается от старославянского склонения. Если не ка-
саться небольших чисто фонетических отличий /например, древне-
русск. вин.п.ед.числа жену при ст.-сл. женѣ /, то древнерус-
ское склонение имело всего две отличительные черты:

I/. Тв.п.ед.ч. II склонения в живом древнерусском языке
оканчивался на -ѣмъ или /у слов с мягкой основой/ на -ѣмъ, в
старославянском обычно на -омъ или -емъ. Эту особенность дре-
внерусского языка можно отметить уже в памятниках XI в., в
том числе в Остромировом евангелии 1056-56 гг.: гнѣвъмъ,
отцьмъ. На окончание, содержащее редуцированный звук перед
-м-, косвенно указывает и современный украинский язык. В укра-
инском языке тв.падеж сейчас оканчивается -ом /например,
дідом /, которое могло получиться только из -ѣмъ /, так как
старое о по законам украинской фонетики после падения реду-

цированных в новых закрытых слогах перешло в i. Окончание -ьмь /-ьмь/ было распространено у слов с основой на -о не только в древнерусском, но и в западнославянских языках; в дальнейшем сильные редуцированные у западных славян перешли в гласный e, поэтому, например, в современном польском языке в тв. падеже используются формы на -em: *dworem, kopiem*. Окончание -ьмь, -ьмь в тв. падеже ед. числа II склонения представляет собой новообразование; оно, по всей вероятности, заимствовано II склонением у III и IV склонений, в которых редуцированный звук перед -м- является исконным. Это различие в формах древнерусского и старославянского склонений теряет значение после падения редуцированных звуков, так как -ьмь 7 -ом, а -ьмь 7-ем, т.е. получились в конце концов окончания с теми же гласными, что и в старославянском языке.

2/. Не совпадают со старославянскими некоторые окончания падежных форм мягких разновидностей I и II склонений: в соответствии с древнерусским окончанием -ѣ в род. падеже ед. числа, в им. и вин. падежах мн. числа I склонения /землѣ/, в вин. падеже мн. числа II склонения /конѣ/ в старославянском языке постоянно используется окончание -А /землА/. Окончание -ѣ в указанных падежных формах засвидетельствовано уже Остромировым ев.: каплѣ /им. п. мн. ч./, недѣлѣ /род. п. ед. ч./. Оно отражается в современном украинском языке /род. п. ед. ч. землі, где і из ѣ/, а также в западнославянских языках. Предполагают, что оба окончания, как старославянское, так и древнерусское, восходят к общеславянскому носовому гласному -ѣ, причем у южных славян этот звук совпал с носовым e /А/, у восточных и западных славян утратил носовую артикуляцию /ѣ 7 ѣ/. Впрочем, существуют и другие объяснения этих окончаний.

Естественно, что в памятниках древнерусской письменности встречается и старославянское окончание в его русифицированном виде /-А = Ѧ, -я, например, род. п. ед. числа земля/. В памятниках церковной и отчасти художественной литературы оно употребляется еще в XVII в.

В остальном древнерусское склонение имен существительных не отличается от старославянского склонения и, по-видимому, со-

ответствует праславянскому склонению, по крайней мере, более позднего периода.

Происхождение древнерусских типов именного склонения. Древнерусский язык периода первых письменных памятников в значительной мере отражает не только праславянскую, но и древнейшую общиндоевропейскую систему именного склонения. Типы склонения, представленные в древнерусском языке, были характерны и для других индоевропейских языков /санскрит, латинский, древнегреческий/. Из старых индоевропейских типов склонения древнерусский язык, как и другие славянские языки, совершенно не сохранил лишь склонения на -e /-ē/, которое представлено, например, в латинском языке /лат. gēv, G. gēi/. Предполагают, что к этому утраченному склонению когда-то относилось слово земля, уже очень давно оформившееся по типу существительных с основами на -a.

Гласные и согласные звуки, которыми первоначально различались именные основы /ā, ō, ū, ĭ, ŭ, r, s, nt, n /, возможно, некогда представляли собой словообразовательные суффиксы с определенным значением. Старые значения этих суффиксов почти полностью утратились еще в дославянский период. От них остались лишь некоторые следы. Так, отмечают, что среди основ на -и довольно много слов, обозначающих животных: медвѣдь, рысь, звѣрь, лось, гусь, чръвь, лебядь и др. Основы на плавный согласный -р представляют собой названия родственников - матери, дъчи; в более древний период к ним относились и слова братъ /ст.-сл. и прасл. братръ/, сестра. Совершенно ясно в древнерусском языке отражается значение основ на -т /-nt / - они представляли собой названия молодых животных /теля, ст.-сл. телѧ из ⁺telent, род. п. теляте; поросѧ, род. п. поросѧте; осьля, курия, щеня и т. д./ Возможно, что к подобным словам примыкали некогда и уменьшительные собственные имена типа Васѧ, Катѧ /род. п. ⁺Васѧте, ⁺Катѧте/. Но в русскую письменность подобные образования из устной речи проникли сравнительно поздно, уже после ухода из V склонения и присоединения к I склонению.

Окончания падежных форм первоначально не зависели от характера именной основы. Так, вин. падеж ед. числа в раннем прасла-

вянском языке имел окончание -ш независимо от типа основы /⁺genā-ш, ⁺stolō-ш, ⁺gostī-ш и т.д./ . Позднее в результате различных фонетических процессов прежние падежные окончания сливались с конечными звуками основ; происходило перераспределение основы и окончания /т.н. переразложение основы/, образовывались новые окончания, включавшие в себя и часть бывшей основы /⁺genām 7žen-а; ⁺gostīm 7gost-ѐ/. Впрочем, в некоторых случаях в одной и той же падежной форме с глубокой древности использовались разные окончания. Так, признаком им. падежа дв. числа основ на -о мужского рода являлось удлинение конечного гласного основы: ⁺stolō 7 стола; у основ на -о среднего рода и у основ на -а показателем им. падежа дв. числа являлся неслоговой ъ, который с предшествующим конечным гласным основы образовывал дифтонг: ⁺seloĭ 7 селѣ, ⁺genajĭ 7 женѣ.

Склонение и грамматический род. Древнерусские типы склонения имен существительных, как и праславянские типы, были связаны с подразделением существительных по родам, но не так тесно, как в современном русском языке. Склонение основ на -а включало главным образом слова женского рода и лишь небольшое количество слов мужского рода, обозначавших людей. Склонение основ на -о включало слова мужского и среднего рода и не содержало слов женского рода. Среди основ на -у находились лишь слова мужского рода. Однако в IV склонении встречались слова всех трех грамматических родов. Можно отметить, что в таких индоевропейских языках, как древнегреческий и латинский, именные основы связаны с категорией рода еще менее тесно, чем в древнерусском языке. Так, в латинском языке среди основ на -о имеются слова всех трех грамматических родов /кроме мужского и среднего рода в этом склонении был представлен и женский род, например, слово humus "земля"/. Формальное противопоставление грамматических родов постепенно развивается. Слова братъ и сестра когда-то входили в тот же тип склонения, что и слова мати, дъчи. Однако слово братъ перешло в склонение основ на -о, где было сосредоточено большинство слов мужского рода; слово сестра оказалось в склонении основ на -а, где находилось большинство слов женского рода. Слова среднего рода

уже в глубокой древности приобрели некоторые довольно четкие грамматические признаки – постоянное совпадение именительного и винительного падежей, специфическое окончание -а в этих падежных формах во множественном числе.

На славянской почве к старым формальным родовым различиям присоединились некоторые новые родовые признаки. Так, у слов IY склонения стали различаться формы тв. падежа ед. числа слов мужского и женского рода: гостѣмь – костѣмь / праслав. *kostijq*; это окончание появилось под влиянием слов женского рода I склонения – *zъnojъ, zemlejъ*/. Типы склонения постепенно приспособляются к системе трех родов. Склонение имен существительных в современном русском языке в единственном числе весьма тесно связано с категорией грамматического рода.

В истории русского языка имели место случаи перехода существительных из одного грамматического рода в другой, а также колебания в родовой принадлежности существительных. При переходе в другой грамматический род чаще всего изменялся и тип склонения имени существительного.

В древнерусском языке к женскому роду и к склонению на -а относились слова налога, укора, признака. Ср. в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г.: отъ тое де солдацкие налоги; в "Слове Даниила Заточника": укоры не избыти / "не избежать упрека"/. В ряде случаев переход из женского рода в мужской с изменением склонения в русском литературном языке совершился лишь в XIX в. У писателей I пол. XIX в. встречаются еще занавеса, испуга, недуга, оттенка, укора, упрека. Ср. у Лермонтова в стихотворении "Гроб Оссиана"/1830 г./: "под занавесою тумана.."; у Грибоедова: "я от испуги дух перевозу едва..". В XIX в. перешли в категорию мужского рода также некоторые заимствованные слова: в I пол. XIX в. еще архива, грота, анализа, комода.

Имели место и случаи перехода из мужского рода в женский с изменением типа склонения. В древнерусском языке существовало слово мчьть – в современном русском языке мечта. В XIX в. к мужскому роду еще относились слова завес /встречается у Жуковского/, замен, гравюр /у Гоголя в "Мертвых душах": "...длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения"/.

В XIX в. наблюдаются случаи перехода из одного грамматического рода в другой и среди заимствованных существительных с окончанием на мягкий согласный. Слова госпиталь и портфель в XIX в. относились к женскому роду, первое из них – вплоть до конца века. Ср. в письмах Батюшкова: "Портфель моя уехала, и я принужден писать на этой бумаге". Слова вуаль и дуэль до сер. XIX в. относились обычно к мужскому роду /род. падеж вуаля, дуэля/, колебание в роде обнаруживало слово рояль.

У слов с основой на -а колебания в роде не всегда были связаны с колебаниями в типе склонения. Так, слово слуга в древнерусском языке иногда обнаруживает принадлежность к женскому роду. Ср. в Остромировом ев.: слугы...подвизали ся /причастие согласуется в женском роде/. В говорах это слово и в настоящее время может относиться к женскому роду. Ср. также в былине о Соловье-разбойнике: "не твоя слуга, не тее /"тебе"/ служу".

Слова общего рода на -а в древнерусском языке обыкновенно употреблялись в женском роде, независимо от того, применялись ли они к лицам женского или мужского пола. Ср. в грамоте 1623 г., написанной крестьянином: "пожалуй меня, сироту твою". Так имена общего рода употреблялись до середины XIX в. Ф. Буслаев в "Опыте исторической грамматики русского языка" 1858 г. /II, 216/ указывал: "Имена общего рода, мимо полового различия, принимаются в женском, на том только основании, что оканчиваются на -а или -я. Напр. эта сирота, эта повеса /говоря о мужчинах/".

Слова с уменьшительным значением и с суффиксами -ишк-, -ушк- первоначально относились к среднему роду и склонялись по типу село. Старая родовая принадлежность этих слов сохранялась еще в XVI-XVII вв. Ср. в грамотах этого периода: другое мое деревнишко, сынишко мое, Юрьево сынишко, купчишко пришло, за Ивашкомъ. В современном русском языке эти слова обычно сохраняют род того слова, от которого они образованы /мой сынишка, небольшая деревушка/; оформляются они по типу слов женского рода на -а, в чем известную роль сыграло аканье. Старые формы этими существительными сохраняются в северно-великорусских говорах: у дедушка, к дедушку, с мальчишком.

Родовую принадлежность рано изменили уменьшительные имена собственные типа Вася; их старые формы среднего рода и склонение основ на согласный звук /род. падеж +Васяте/ в памятниках древнерусского языка вообще не засвидетельствованы; однако в говорах встречаются образования типа Васятка, Ванятка, напоминающие о первоначальных основах на согласный звук.

Возможно, что к среднему роду некогда относились и имена собственные типа Данила, Гаврила /Данило, Гаврило/.

В южновеликорусских говорах категория среднего рода вообще утрачивается — слова переходят в женский род или, реже, в мужской. В письменности это явление отражается с XVII в.; ср. в грамоте 1684 г.: строения какая.

Судьба отдельных типов именного склонения

В современном русском языке имеются в сущности лишь три склонения — вместо пяти древнерусских склонений /причем в древнерусском языке I и II склонения имели еще мягкие разновидности с некоторыми особыми падежными окончаниями/. Количество типов склонения постепенно уменьшилось в результате объединения, унификации этих типов.

Объединение склонений стало возможным в результате т.н. переразложения основ имен существительных. Различные фонетические процессы приводили к изменению границы между основой и окончанием, причем часть основы существительных отходила к окончанию. Так, в род. падеже ед. числа III склонения падежным окончанием в ранний период праславянского языка был элемент -в, которому предшествовал дифтонг оѹ, относившийся к основе /+домоѹ-в/. В род. падеже ед. числа II склонения к именной основе некогда присоединялся элемент -од, причем гласный звук этого падежного показателя сливался с конечным звуком основы, образуя долгий гласный \bar{o} /+stol \bar{o} /. В результате фонетических процессов праславянского периода — отпадения согласных, находившихся в абсолютном конце слова, превращения дифтонга оѹ в монофтонг ѹ, перехода \bar{o} в а образовались те формы род. падежа ед. числа III и II склонений, которые представлены в древнейших памятниках русской письменности — дому и стола,

В этих формах в фоли окончаний выступают уже элементы -у и -а. Вместе с тем с точки зрения древнерусского языка в основах этих существительных уже не было существенных различий - их основа одинаково оканчивалась твердым согласным звуком. Это обстоятельство сделало возможным перенесение новых окончаний из одного старого типа склонения в другой тип, разрушение и объединение старых типов склонения. Такие же изменения происходили в других падежных формах. Так, в дат. падеже мн. числа I склонения элемент -а- некогда являлся конечным гласным основы /⁺рѣка-мь/, но в древнерусском языке он входит уже в состав окончания /рѣк-амь/; новое окончание дат. падежа мн. числа -амь/ в дальнейшем распространяется на все типы склонения /стол-ам, дом-ам, гост-ям/.

Взаимодействие основ на -о и на -у /II и III склонения/.

Слияние II и III типов склонения имен существительных, по-видимому, началось еще в дописьменную эпоху. При этом более влиятельным оказалось II склонение, постепенно поглотившее немногочисленную группу слов III склонения.

В период древнейших памятников русского языка по III склонению более или менее последовательно изменялись лишь шесть слов: домъ, сынъ, вѣрхъ, вошь, поль /"половина"/, медь. В дописьменную эпоху это склонение было более обширным по составу /возможно, что в него входили еще слова ледъ, чинъ, садъ и некоторые другие/, но сократилось в результате перехода ряда слов во II склонение.

И эти упомянутые 6 слов в памятниках письменности XI-XIII вв. нередко образуют падежные формы по типу II склонения. Ср. в Пандектах Антиоха XI в. меда /род. п. ед. ч./, в Мстиславовой грамоте 1130 г. сыноу /дат. п. ед. ч./, в Новгородской I летописи по Синодальному списку XIII-XIV вв. сынѣхъ /местн. п. мн. ч., вместо закономерной формы сынѣхъ или сынохъ/, в других памятниках до XIV в. вола, верха /род. п. ед. ч./.

Особое склонение основ на -у в русском языке разрушается к XIV в. /впрочем, в течение XIV в. старые формы еще употребительны наряду с новыми, например, в Лаврентьевском списке летописи 1377 г./.

Однако по мере разрушения этого старого типа склонения его отдельные формы оказывают весьма заметное влияние на более продуктивное и многочисленное II склонение. Следует отметить, что некоторые формы были позаимствованы II склонением от основ на -у еще в дописьменную эпоху. К ним относится, по-видимому, звательная форма мягкого варианта II склонения типа коню /по аналогии формы сыну/. Эта форма является общеславянским новообразованием. Влиянием III склонения обыкновенно объясняют также восточно- и западнославянское окончание тв. падежа ед. числа II склонения с редуцированным звуком перед -м-/стольмь/ вместо гласного -о-, которого следовало бы ожидать у основ на -о. Это также доисторическое, хотя и не общеславянское новообразование.

Влияние III склонения обнаруживается уже в памятниках русского языка XI в. и в других падежных формах. В Святославовом Изборнике 1073 г. встречаем: от льноу; в памятниках XIII в. род. падеж на -у встречается уже часто: до търгоу, отъ воскоу, горохоу, хмѣлю. С XII в. в дат. падеже распространяется окончание -ови /-еви/: в Мстиславовой грамоте 1130 г. Георгиеви, в Смоленской грамоте 1230 г. местерови /местерь - магистр Ливонского ордена/, в других памятниках холмови, отцevi и т.п. Окончание -ови /-еви/ в XIII-XIV вв. особенно часто используется у названий людей, в том числе у имен собственных /цареви, Иванови, Семенови/. В мест. падеже ед. числа уже с XII в. у слов со старой основой на -о встречается окончание -у: в Сказании о Борисе и Глебе по списку XII в.: на бороу; в других памятниках: въ пироу, на търгоу, на сиѣгоу. В им. падеже мн. числа в памятниках XII-XIV вв. распространяются формы с окончанием -ове: послове, дъждеве, воробьева, татарове. Наконец, в род. падеже мн. числа с XI в. во II склонение проникает окончание -овъ /-евъ/. Например, в Изборнике 1076 г. вождевъ, в Златоуструе XII в. дълговъ, в памятниках XII в. еще грѣховъ, пълковъ, бѣсовъ. Отмечено, что в памятниках деловой письменности окончание -овъ преобладает над старым окончанием /которое после исчезновения редуцированных звуков стало нулевым/ уже в XIII в.

Таким образом, различные падежные формы старых основ на -у оказали известное влияние на II склонение. Впрочем, следует отметить, что это влияние ограничилось сферой слов мужского рода и не затронуло слова среднего рода.

Позднее некоторые из позаимствованных II склонением форм в русском языке утратились. Так, дат. падеж ед. числа на -ови в памятниках живого русского языка не встречается с XV в. Он отчасти сохранился в современном украинском языке: батькові, хлопцеві. К XVI в. перестал употребляться в живой речи также им. падеж мн. числа на -ове. Он встречается до настоящего времени в западноукраинских и белорусских говорах. В русской письменности XVI-XVII вв. формы дат. падежа ед. числа на -ови и им. падежа мн. числа на -ове встречаются, но лишь под влиянием церковнославянской традиции. Ср. в сборнике пословиц конца XVII в.: "Данила в рове убоялся длове /"львы"/". В современном русском литературном языке отражением старого окончания -ове является -овья́ в им. падеже мн. числа слов сыновья́, кумовья́ /окончание -ове фонетически изменилось в -овя́, а затем в -овья́ под влиянием широко распространившегося -ья́ в им. падеже мн. числа; при этом элемент -ов- вошел в состав основы данных существительных во мн. числе и появляется также в других падежах: род. п. сыновеи́ и т. п. /.

Некоторые старые окончания основ на -у в дальнейшем вполне закрепились в русском языке в качестве окончаний постепенно вырабатывавшегося единого склонения слов мужского рода. Такими окончаниями являются 1/ окончание род. падежа ед. числа -у /-ю/ /кусок сахару/, 2/ окончание мест. падежа ед. числа -у́ /-ю́/ /на берегу́/ и 3/ окончание род. падежа мн. числа -ов /-ев/ /столов/. Первые два окончания вначале употреблялись без каких-либо особых семантических оттенков параллельно с исторически закономерными окончаниями II склонения -а и -е; затем, уже после XVII в., окончание -у в род. падеже стало применяться для обозначения целого, от которого отделяется часть, а также с обстоятельственным значением причины /со страху/; в мест. падеже окончание -у стало выражать специально обстоятельственное значение места /ср.: на берегу́, на краю́, но: о бе́реге/. Окончание род. падежа мн. числа -ов /-ев/

получило исключительно широкое распространение у слов мужского рода с твердой основой и с основой на -j/лесов, городов, боёв, краёв/ и почти вытеснило старое нулевое окончание, которое сохранилось лишь у небольшой группы имен существительных /сапог, чулок, глаз и под./; старое окончание сохранилось у существительных среднего рода с твердой основой /болот, озер/. Во многих говорах русского языка наблюдается распространение окончания -ов /-ев/ у существительных мужского рода с основой на мягкие шипящие звуки /товарищев, ключёв/ и у слов среднего рода /место́в, дело́в, озёров/. Весьма употребительно это окончание также в современных белорусском и украинском языках /ср., например, белор. рублёў, канёў/.

Взаимодействие основ на -о и основ на -и. Склонение основ на -и в древности включало значительное количество слов мужского рода. К этому склонению относились, например, слова огнь, зять, тать /"вор"/, путь, гусь /вообще все слова мужского рода, основа которых оканчивается на мягкие переднеязычные -ть, -дь, -сь, -зь и губные -бь, -пь, -мь, -вь, некогда относились к IV склонению/.

Падежные формы существительных мужского рода IV склонения довольно рано начинают смешиваться с формами мягкого варианта II склонения /типа конь/. Утрата старых форм IV склонением в памятниках письменности отражается главным образом с XII в. В Смоленской грамоте 1229 г. встречаем: иметь татя /"задержит вора"/; в Лаврентьевском списке летописи 1377 г.: в огни. Впрочем, некоторые слова, особенно путь, гость, тесть, зять, в XIV в. еще довольно хорошо сохраняют свои старые формы /ср. в Лаврентьевском списке летописи: отъ тести своего; в Новгородской I летописи: възмолися зяти/. В конце концов слова мужского рода из IV склонения переходят во II склонение. В современном русском языке старые формы IV склонения из слов мужского рода сохраняет только путь; в говорах и оно присоединяется к типу конь /ррд. п. ед. ч. путя, дат. п. путю/.

Некоторые слова мужского рода IV склонения все же не перешли во II склонение: они изменили свою родовую принадлежность, стали словами женского рода и сохранили часть старых

форм основ на -и. Так обстояло дело, например, со словом гортань; ср. в Изборнике 1073 г.: твои гъртань. Сейчас это слово относится к женскому роду /твоя гортань/.

В ед. числе склонение основ на -и не оказало влияния на другие склонения. Во мн. числе слова мужского рода с основой на -и дольше сохраняли некоторые старые формы и кое-что из них передали мягкому варианту II склонения. Так, слова мужского рода IV склонения сохранили старое окончание род. п. -ии /гостии, позднее гостей/, и с XIII в. в памятниках наблюдается распространение этого окончания у слов мужского рода с мягкой основой, никогда не входивших в IV склонение. В Рязанской кормчей 1284 г. отмечается форма моужи, в Лаврентьевском списке летописи князии, в других памятниках XIII в. еще кони, мечи, роубли, мѣсяци, создателеи. В дальнейшем это новое для II склонения окончание стало нормальным окончанием мягкого варианта склонения слов мужского и среднего рода. Влияние IV склонения временно /в XII-XVII вв./ отразилось также в тв. падеже мн. числа. Ср. в Добриловом ев. 1164 г. моужьми /вместо закономерной формы мужи/, в Лаврентьевской летописи князьми, в Ипатьевской летописи конми и т. п. Позднее слова мужского рода утратили это окончание /впрочем, за исключением формы людьми; судя по им. падежу мн. числа людие, это слово в древнерусском языке относилось к мужскому роду/. Окончание -ьми употребительно у нескольких слов мужского и среднего рода в современном белорусском языке /кѡньмі, плячмі/.

Слова женского рода IV склонения в отличие от слов мужского рода в единственном числе сохранили старые особенности склонения. Во множественном числе они пережили изменения, общие для всех типов склонения.

Судьба основ на согласный звук и на -ы. Старое склонение основ на согласный звук с течением времени совершенно распалось. Входившие в это склонение имена существительные рано стали утрачивать свои наиболее характерные окончания род. и мест. падежей ед. числа /камен-е/, род. падежа мн. числа /камен-ѣ/ и др. Наиболее показательное для V склонения окончание -е в род. и мест. падежах ед. числа вообще встречается в древнерус-

ском языке главным образом лишь до XV в. Наряду с ним уже в XI в. можно встретить окончание -и, заимствованное у IV склонения. Ср. в Архангельском ев. 1092 г.: въ камени; в Житии Феодосия Печерского по списку XII в. род. п. дни и т. п.

В V склонении находились слова всех трех грамматических родов.

Из слов мужского рода к V склонению относился ряд слов с основой на -и: камь, род. п. камене; днь, корнь, ремень, кремень, ячьмень и др. Им. п. ед. числа этих слов, за исключением слова камь, получил новую форму еще в дописьменную эпоху и в старом виде славянскими языками не засвидетельствован /в связи с законом открытых слогов он не должен был бы содержать конечного согласного звука основы -и, т. е. вместо корень, ремень следовало бы ожидать нечто вроде ⁺корь, ⁺реми; новые формы им. падежа возникли по аналогии косвенных падежей, сохранивших согласный -н/. Существительные мужского рода постепенно, с XI в., переходят из V в IV склонение. Затем, в связи с утратой IV склонением группы слов мужского рода, слова типа днь, камень с XV в. примыкают к мягкому варианту II склонения /типа конь/. Впрочем, слово днь в род. и дат. падежах ед. числа довольно долго могло употребляться с окончанием -и, по говорам это окончание встречается до настоящего времени /третьево дни, севодни/. Итак:

И. днь	7 днь	7 днь
Р. дьне	7 дни	7 дня
Д. дьни	7 дни	7 дню и т. д.

Слова женского рода в V склонении были представлены двумя типами основ - на -р и на -и /или -ъв-.

Слова с основой на -р: мати, род. п. матере и дъчи, род. п. дъчере. Оба эти слова с течением времени присоединились к словам женского рода IV склонения, получив соответствующие новые окончания падежных форм. При этом в им. падеже ед. числа они утратили конечный гласный звук /соврем. мать, дочь/. Была утрачена также старая форма вин. падежа ед. числа, которая заменилась формой им. падежа /вместо матерь, дъчерь - мать и дочь/. Впрочем, в говорах, а также в украинском языке в им. падеже слова мать гласный -и сохраняется; можно наблюдать в

говорах также сохранение старой формы вин.падежа /матьер/, причем эта форма нередко используется и в значении им.падежа. В литературном русском языке старая форма вин.падежа сохраняется в сложном слове богоматьер. Слово дочь в говорах очень часто утрачивает формы косвенных падежей с наращением -ер-, оформляется по типу основ на -а. Так, в причудских говорах вместо литературного дочь употребляются слова дóча или дочкá, склоняющиеся по I склонению.

Слова женского рода со старой основой на -ы /-ъв-/ распределились между I и IV склонениями. В первом случае в им.падеже ед.числа начинает использоваться основа косвенных падежей с добавлением окончания -а: вместо старых форм буки /род.п. букъве/, тыки, смоки, ⁺Моски - формы букъ/ъ/ва /род.п. буквы/, тыква, смоква, Москва, в говорах еще морквá /др.-русс. мъркы/, цёрква /др.-русс. църкы/. Во втором случае для образования всех падежных форм начинает использоваться старая основа вин.падежа ед.числа: вместо старых форм свекры, мъркы, църкы, любы, ⁺кры - формы свекровъ, морковъ, църковъ, любовъ, кровъ. При этом обобщается форма с гласным о из редуцированного звука, который в вин.падеже был в сильной позиции /любъвъ/; однако при склонении гласный о может выпадать /ср.: любовъ - любви, но, с сохранением гласного о, морковъ - моркови/. Характерные падежные окончания были утрачены этими словами уже около XV в., однако старый им.падеж слова свекровъ - свекры - кое-где встречался еще в XIX в. В одном случае слово с основой на -ы присоединилось к словам мужского рода II склонения: соврем. жёрнов при др.-русс. жърны, род.п. жърнъве. В псковских говорах было отмечено сохранение старой формы им.падежа этого слова, но переосмысленной как им.п.мн.числа, с переходом в группу слов, вообще не имеющих форм ед.числа: им.п. жёрны, род.п. жёрен, дат.п. жёрнам и т.д.

Слова среднего рода в U склонении были представлены несколькими типами основ.

Основы на -с постепенно присоединились к словам среднего рода II склонения. При этом они обыкновенно утрачивали в косвенных падежах конечный согласный основы /наращение -ес/.

Эта утрата отчасти наблюдается уже в древнейший период истории русского языка. Слова тѣло, дѣло, слово, дерево полностью утратили элемент -ес, получив новые формы косвенных падежей: в род. падеже тела, дела, слова, дерева вместо прежних тѣлесе, дѣлесе и т.д. К этой группе слов относились когда-то и слова ухо, око /мн. число: ушеса, очеса/; однако формы дв. числа этих слов в древнерусском и в прочих славянских языках постоянно образовывались без -ес: уши, очи /вместо ожидаемых *ушесѣ, *очесѣ/. Словообразование показывает, что в известных случаях и другие слова рано утрачивали конечный согласный основы. Ср.: чудный, чудак, чудиться; пословица. Эти слова образованы от основ, не содержащих -ес, в отличие от слов чудесный, словесный, производных от основы на -ес. Возможно, что формы с -ес в древнерусском языке сохранялись благодаря старославянскому влиянию. В книжном языке еще в XVII в. были употребительны формы словеса, тѣлеса /им.п.мн.числа/; однако уже в XIII в. встречается местн. падеж ед. числа слова тѣло без наращенія: о тѣлѣ. Слова небо и чудо сохранили до настоящего времени -ес в формах мн. числа: небеса, чудеса. Лишь в одном случае под влиянием косвенных падежей основа на -ес стала служить и для образования им. падежа ед. числа: совр. колесо при др.-русск. коло, род.п. колесе. В древнерусском языке формы этого слова встречаются и без наращенія -ес; ср. в Лаврентьевской летописи: на колѣхъ /"на повозке"/.

Сильно изменились основы на -т /-nt/: др.-русск. теля, род. падеж теляте; жеребя, медвѣдя, осьля, куря, вълчя, порося, гуся и т.п. Во мн. числе старые формы этих слов отчасти сохранились, в той мере, в которой их не затронули общие для всех типов склонения процессы: совр. им. падеж телята, волчата, род. падеж телят, волчат представляют собой закономерные формы Ū склонения. Что касается ед. числа, то в великорусском языке эти слова утратили конечный согласный основы и приобрели около XV-XVI вв. новый суффикс ен/о/к, причем стали изменяться подобно старым существительным мужского рода II склонения /род.п. теленка/. В говорах и в древнерусской письменности более позднего периода этот новый суффикс проникает иногда и в формы мн. чис-

ла. Ср. в грамоте 1516 г.: волченки. Впрочем, старые формы ед. числа, без суффикса -ен/о/к, в древнерусском языке встречаются вплоть до XVII в., но с преобразованием окончаний по типу IУ склонения, т.е. род.п. теляти, жеребяти и т.п. Ср. в челобитной грамоте 1673 г.: живота и хлѣба нѣтъ ничево, и куряти, государь, нѣтъ...; в сборнике пословиц XVII в.: нашла свинья свое порося; дай богъ нашему теляти волка поимати. В современном русском языке единственным пережитком старых бессуффиксных форм рассматриваемого типа является слово дитя /др.-русск. дѣтя, род.п. дѣтjате/; однако косвенные падежи этого слова в ед. числе /род.п. дитяти, дат.п. дитяти и т.д./ в сущности уже неупотребительны. Во мн. числе формы этого слова уже в древнерусском языке образовывались от другой основы и примыкали к IУ склонению /дѣти, род.п. дѣтjи и т.п./.

Новообразования на -ен/о/к характерны для русского языка, в других восточнославянских языках старые основы на -т частично сохраняются. Ср. украинск. гуся, род.п. гусяти. В украинском языке имеются и новообразования, но с особым суффиксом, ср. гусеня, род.п. гусеняти, где в им. падеже -ен-, в косвенных падежах -енят-; ср. также кошеня "котенок" и т.п.

Основы на -н типа племя, имя в русском языке в общем сохранились и в системе склонения существительных образуют особую группу; однако в ед. числе характерное для V склонения окончание род. и мест. падежей -е заменилось под влиянием IУ склонения окончанием -и /имени, племени/. В говорах эти существительные довольно часто утрачивают наращение -ен в косвенных падежах и начинают склоняться в соответствии с мягким вариантом слов среднего рода II склонения: им.п. время, род.п. время, дат.п. врею и т.д. Такие формы можно встретить и в русском литературном языке XVIII и начала XIX в., например, у Крылова: "то к тею их прижмет.."

Таким образом, V склонение исчезло, оставив небольшой пережиток в виде группы слов на -мя. Исчезновение этого склонения происходило в процессе сближения с основами на -а, -о, -и, причем в большинстве случаев имело место т.н. выравнивание основы: одна общая основа начинала использоваться как в име-

нительном, так и в косвенных падежах.

Ср.: др.-русск. Им. слово, буки совр. Им. слово, буква

Р. словесе, буквѣе Р. слова, буквы

Остатком старых падежных окончаний У склонения является окончание -е в им. падеже мн. числа у слов, имеющих в ед. числе сложный суффикс -ан-ин: горожане, крестьяне и т.п. Когда-то в дописьменную эпоху эти слова и в ед. числе входили в У склонение /основы на -н/, но очень рано получили суффикс единичности -ин и стали склоняться по типу стои.

+ +

+

В результате рассмотренных изменений в русском языке постепенно установилась система трех склонений имен существительных. В грамматике современного русского языка I склонение объединяет слова мужского и среднего рода без окончания в им. падеже ед. числа. С исторической точки зрения в этом склонении находятся главным образом старые основы на -о /стои, конь, село, поле/, а также основы на -у /дом, верх и др./, основы на -и /гость, зверь/ и некоторые основы на согласный звук /камень, день, тело, теленок и др./. II склонение объединяет слова женского и мужского рода с окончанием -а, -я в им. падеже ед. числа. Его основное ядро образуют старые основы на -а /жена, земля/, к которым присоединилось некоторое количество бывших основ на -ы /-ъв/ /тыква/. III склонение содержит бывшие основы на -и женского рода /кость/, одно слово мужского рода /путь/ и некоторые существительные женского рода со старыми основами на -ы /любовь/ и на согласный /мать, дочь/.

В некоторых говорах русского языка наблюдается тенденция к установлению в ед. числе всего лишь двух склонений; в таком случае слова III склонения сближаются с мягким вариантом II склонения /ср. диалектные формы слова грязь: тв. падеж ед. числа грязей, мест. падеж в грязи/.

Система трех склонений установилась в русском языке к XV в.

Помимо унификации типов склонения в ед. числе, имели место и другие процессы, приводившие к формальному сближению имен существительных - взаимодействие твердого и мягкого вариан-

тов склонения в ед. числе, отчасти и во мн. числе, различные изменения в формах мн. числа.

Взаимодействие твердых и мягких вариантов
склонения имен существительных

Основы на -о. В склонении основ на -о расхождения в окончаниях твердой и мягкой разновидностей имели место главным образом в мест. падеже и зв. форме ед. числа, в вин. и мест. падежах мн. числа слов мужского рода, в мест. падеже ед. и мн. чисел и в им.-вин. падеже дв. числа слов среднего рода. Ср.:

Ед. число	Мн. число	Дв. число
М. столѣ - кони	В. столы - конѣ	И.В. селѣ - поли
селѣ - поли	М. столѣхъ - конихъ	
Зв. столе - коню	селѣхъ - полихъ	

С течением времени эти расхождения исчезают, происходит сближение падежных окончаний твердого и мягкого вариантов. При этом более влиятельными обыкновенно оказываются окончания твердого варианта.

В мест. падеже ед. числа у слов с мягкой основой начиная с XIII в. встречается окончание -ѣ /или -е/, характерное для твердого варианта склонения. Ср. в Новгородском паремейнике 1271 г.: при море /-е вместо -ѣ твердого варианта; следовало бы ожидать формы мори/, в Новгородской кормчей книге 1282 г.: въ ярославлѣ и т.п. Одновременно новое окончание появляется у мягких основ и в мест. падеже мн. числа; ср. в Псалтыри 1296 г.: въ манастырѣхъ /вместо манастирихъ/. В вин. падеже мн. числа у слов с мягкой основой с XIII в. появляется окончание -и /вместо/ закономерного -ѣ/. Ср. в Милятином /новгородском / ев. 1215 г.: съзъвавъ князи; в Новгородской I летописи: дары принесе кони и вельблуды. Однако в данном случае нельзя с полной уверенностью сказать, действительно ли здесь отражается влияние твердого варианта склонения на мягкий, или же проявляется другой процесс, также начавшийся в XIII в., - смешение форм им. и вин. падежей мн. числа.

Взаимодействие твердых и мягких основ II склонения наблюдалось и в сфере кратких имен прилагательных. Ср. в Минее 1095

года: въ чловѣчѣ образѣ / вместо чловѣчи /.

В конце концов в большинстве говоров и в русском литературном языке в мест. падеже ед. числа у существительных с мягкой основой установилось окончание -е /из -ѣ/, восходящее к твердому варианту. Ср. соврем. на коне, на столе. В вин. падеже мн. числа мягкие основы утратили свое характерное окончание -ѣ и получили окончание -и. Ср. соврем. ключи, корабли и т. д.

Влияние мягких основ на твердые у существительных II склонения в древнерусском языке отмечается редко и исключительно в новгородско-псковской письменности. Ср. в Новгородской I летописи: начаша воевати городѣ черниговскѣ /"начали разорять черниговские города"; в вин. падеже мн. числа -ѣ вместо закономерного -ы/. Иногда распространение мягких вариантов окончаний можно наблюдать в современных русских говорах. Так, во псковских говорах отмечено: на столи.

Основы на -а. В I склонении расхождения в окончаниях твердой и мягкой разновидностей имели место главным образом в формах род., дат. и мест. падежей ед. числа, в зв. форме, в им. и вин. падежах мн. числа и в им.-вин. падеже дв. числа. Ср.:

Ед. число	Мн. число	Дв. число
Р. жены - землѣ	И. В. жены - землѣ	И. В. женѣ - земли
Д. М. женѣ - земли		
Зв. жено - земле		

Взаимодействие падежных форм твердого и мягкого вариантов в I склонении представляется несколько более сложным, чем во II склонении. Рассмотрим прежде всего влияние твердых основ на мягкие.

В род. падеже ед. числа у мягких основ уже с XI в. встречается окончание -и, появившееся по аналогии -и твердого варианта. Ср. в Минее 1095 г.: изъ отроковичи /отроковица - девушка; -чи вместо -цѣ/. Чаще в памятниках XIII в., например, в Милытинном ев. 1215 г.: милостыни ваша, в Новгородском ев. 1270 г.: не створивъ воли /"не выполнив желанія"/. В дат. и мест. падежах окончание -ѣ появляется у мягких основ также с XI в. Ср. в Минее 1095 г.: въ вѣтъсѣ одежѣ / вместо одежи /, в Минее 1096 г.: въ поустыни. Особенно много подобных случаев в памят-

никах с XIII в. В Новгородской кормчей 1282 г. встречаем: въ тяжѣ, по ноужѣ /-е из -ѣ/ и т.п. В им.-вин.падежах мн.числа у слов с мягкой основой в XIII в.появляется окончание -и /вместо прежнего -ѣ/. Ср. в Милятином ев.1215 г.: начнет бити рабм и рабьни; в Новгородской кормчей: соудьи видять. Впрочем, старые формы слов с мягкой основой были вполне употребительны, наряду с новыми, еще в XIV в. Ср. в грамоте вел.князя Ивана Ивановича 1358 г.: а се дал есмь княгини своеи /старая форма дат.падежа/. Изредка можно встретить форму дат.-мест.падежей земли еще в литературном языке XVIII и начала XIX вв.

В конце концов в русском литературном языке и многих говорах в дат.-мест.падежах ед.числа мягких основ устанавливается окончание -е; исключения составляют лишь слова на -ия, где в дат.-мест. употребляется окончание -и /молния - Д.-М. молнии/. В род.падеже ед.числа и в им.-вин.падежах мн.числа у мягких основ закрепилось окончание -и, а старое окончание -ѣ утратилось. Таким образом, мягкий вариант сближился с твердым вариантом:

Ед.число	Мн.число
Р. жени - земли	Им.В. жены - земли
Д.М. жене - земле	

Влияние мягких основ на твердые в I склонении - диалектный процесс, не оставивший следов в современном русском литературном языке. Однако в памятниках древнерусской письменности, главным образом северного происхождения, у существительных с твердой основой нередко можно встретить окончания, характерные для мягкого варианта склонения.

В род.падеже ед.числа твердых основ с XI в.в новгородских памятниках встречается окончание -ѣ. Так, в Минее 1096 г. отмечает: съ высотѣ /вместо: съ высоты/. Часто это окончание встречается в памятниках XIII в., например, в Новгородском паремейнике 1271 г.: отъ неправдѣ; в Новгородской кормчей 1282 г.: поль гривне; в Новгородской I летописи: ис печере, рѣпѣ возъ. Изредка у существительных с твердой основой наблюдается окончание -ѣ /-е/ также в им.-вин.падежах мн.числа.

Ср. в Новгородской I летописи: шнеке привезоша / шнека - небольшое судно; следовало ожидать форм шнеки или шнеки/. В настоящее время в говорах встречается род. падеж ед. числа с окончанием -е, восходящим к -ѣ мягкого варианта склонения: из избе, около воде.

С XIV в. в новгородских и псковских памятниках в дат.-мест. падежах ед. числа встречается окончание -и у твердых основ, возникшее по аналогии окончания -и мягкого варианта склонения. Так, в Сильвестровом сборнике XIV в.: на оной страны; в псковской грамоте 1483 г.: по псковской пошлины / пошлина - обичай/; в псковской рукописи XV в.: ко святыма Козмы и Дамьяну.

В результате взаимодействия твердого и мягкого вариантов I склонения в ряде северно- и средневеликорусских говоров наблюдается совпадение род., дат. и мест. падежей ед. числа:

Р.Д.М.ед. избы - Р.Д.М.ед. земли

При этом в род. падеже сохраняется старое окончание твердого варианта /-ы/, которое оказало влияние на мягкие основы /-и вместо -ѣ/; в дат. и мест. падежах, наоборот, сохраняется старое окончание мягкого варианта /-и/, которое оказало влияние на твердые основы /-ы вместо -ѣ/.

Сближение падежных форм во множественном числе

Влияние форм I склонения /основ на -а/. С XIII в. в памятниках русского языка наблюдается распространение окончаний мн. числа, характерных первоначально лишь для I склонения, на все прочие типы имен существительных. Постепенно все имена существительные получают в дат. падеже окончание -ам /-ям/, в мест. падеже -ах /-ях/, в твор. падеже /за немногими исключениями/ -ами /-ями/. Ср. старую систему окончаний:

	Дат.	Твор.	Мест.
I скл.	жен-амѣ	жен-ами	жен-ахѣ
II скл.	стол-омѣ	стол-ы	стол-ѣхѣ
III скл.	сын-ѣмѣ /-омѣ/	сын-ѣми	сын-ѣхѣ /-охѣ/
IV скл.	кост-ѣмѣ /-емѣ/	кост-ѣми	кост-ѣхѣ /-ехѣ/

Древнейшие случаи перехода окончаний -ам, -ами, -ах в дру-

гие типы склонения отмечены в Новгородском паремейнике 1271 г.: егуптянамъ /дат.п./, безакониямъ /дат.п./, съ клобуками /тв.п./; ср. также в Рязанской коричей 1284 г.: къ латинамъ /латининъ - католик/.

Однако новые окончания распространялись довольно медленно. Еще в Уложении 1649 г. встречаются многочисленные старые формы: помѣщикомъ, мостомъ, людемъ /дат.п./, недруги, обычай, дѣлы, рѣчьми, крѣпостьми /тв.п./, въ годѣхъ, въ мѣстѣхъ /мест.п./.

Старые формы встречаются даже в I четверти XVIII в., например, в "Рассуждении" П. Шафирова 1716 г.: человѣкомъ, съ досадительствы, съ товарыщи, съ намѣстники, въ дѣлѣхъ, о дѣлѣхъ.

Можно предположить, что старые формы в живом языке к XVII в. все же перестали употребляться, но в течение некоторого времени по традиции удерживались в письменности, в том числе и в деловом языке.

В современном русском языке лишь небольшая группа слов сохраняет старое окончание твор. падежа мн. числа основ на -и: детьми, людьми; дверьми, лошадьми /но также: дверями, лошадьями/; в отдельных выражениях употребляются также формы костѣми, плетѣми /обычно: костями, плетями/. Старое окончание дат. падежа мн. числа основ на -о отражается в наречии поделом.

В некоторых севернорусских говорах в твор. падеже мн. числа употребляется окончание -амы: столамы, ногамы. Возможно, что это окончание является результатом взаимодействия двух окончаний твор. падежа - окончания -ами I склонения и окончания -и II склонения.

Смещение именительного и винительного падежей. Древнерусский язык раннего периода имел различные формы им. и вин. падежей мн. числа слов мужского рода во всех склонениях, за исключением I склонения:

	II	III	IV	V
Им. столи, кони		сынове	гостие	камене
В. столы, конѣ		сыны	гости	камени

В то же время у существительных среднего и женского рода, а также у слов мужского рода, входивших в I склонение, эти формы совпадали. Вероятно, под влиянием этого исконного совпа-

дения у части имен существительных формы им. и вин. падежей мн. числа начинают смешиваться и у слов мужского рода, причем в конце концов устанавливается одна общая форма им.-вин. падежа. Эта общая форма в современном русском языке используется у имен существительных неодушевленных; что касается слов с одушевленным значением, то у них в значении вин. падежа стал употребляться род. падеж.

Случаи смешения и неправильного употребления падежных форм наблюдаются в памятниках с XIII в. Так, в Милитином ев. 1215 г.: идѣмъ въ ближняя вси и гради /-и вместо -и/; в других памятниках XIII в.: положиша вси хлѣби; учаше народи. В приведенных примерах старая форма им. падежа употреблена в значении вин. падежа. Одновременно встречаются и случаи употребления формы вин. падежа в значении им. падежа. Так, в Житии Нифонта 1219 г.: чины раставлени быша; в других памятниках XIII в.: быша ми осыли и рабы /"были у меня ослы и рабы"/; люди вылѣзуть.

Общие формы им.-вин. падежа вырабатываются в русском языке, по-видимому, к XV в. При этом более влиятельной оказывается обыкновенно старая форма вин. падежа: современные русские формы им. падежа столы, сады, гости, круги, волки восходят к формам вин. падежа /круги, волки - из кругы, вълкы/. Возможно, что в этом изменении известную роль сыграло стремление к выравниванию основы существительных во мн. числе: им. падеж у основ на -о имел прежде мягкую основу /столи/, а большинство прочих падежных форм мн. числа - твердую основу. Форма старого им. падежа закрепилась в качестве общей формы им.-вин. падежа лишь у слов мягкой разновидности II склонения: современные формы кони, корабли, мячи, мечи, ножи и т. п. представляют собой древний им. падеж /вин. падеж оканчивался -ѣ/.

Пережитки старых форм им. падежа мн. числа твердой разновидности основ на -о в русском языке сохранялись довольно долго. В памятниках XVI в. встречаются: послуши /послухъ - свидетель/, недрузи, холопи, орли, доктори и т. п. В современном русском литературном языке старое окончание -и сохраняют лишь слова черти и соседи; однако под влиянием им. падежа основа

косвенных падежей мн. числа этих существительных смягчилась /род. п. соседей, чертей вместо соседов, чертов; последние формы долго встречались в письменности/, и таким образом во мн. числе эти слова присоединились к словам с исконной мягкостью основы, т. е. стали разносклоняемыми. В говорах окончание -и сохраняют и некоторые другие существительные. Так, в причудских говорах встречаются: бэси, крэсти /крэсти - в значении "трефы", карточная масть/. Подобно литературным черти и соседи, эти слова также могут получать мягкую основу в косвенных падежах: род. п. крэстей и т. д.

Именительный падеж мн. числа слов мужского рода с новым окончанием -а /-я/. Около XV в. в памятниках великорусского происхождения в им. падеже мн. числа слов мужского рода начинает распространяться новое окончание -á. Первый случай отмечают в Летописи Авраамки 1495 г.: города.

В русской письменности это окончание распространяется медленно; еще в XVII в. в тех случаях, где современный русский язык знает окончание -а, обыкновенно употреблялось -и. В Уложении 1649 г., например, постоянно употребляются формы: луги, дома, погребь, мастера. В этом обширном памятнике отмечена лишь одна форма на -а: дѣса. Новое окончание заметно распространяется в Москве лишь в течение XVIII в.; его распространение продолжается в течение XIX и даже отчасти XX веков /в конце XIX в., например, нормальной была еще форма профессоры, сейчас - профессора/. В настоящее время многие слова обнаруживают колебание в окончании: там, где литературная норма требует -и, в разговорной речи и особенно в просторечии нередко выступает -á /инженера, месяца, торта и мн. др./.. В южновеликорусских говорах окончание -а /-я/ получают даже слова женского рода современного III склонения: зеленя, площадя, крепостя. Украинскому и белорусскому языкам окончание -а не свойственно.

Возникновение окончания -á у слов мужского рода было вызвано различными обстоятельствами. Во-первых, здесь могло сказаться влияние старых собирательных существительных типа др.-русск. господа /это слово склонялось в формах ед. числа:

род. падеж господи, дат. господѣ и т.п./; их окончание -а в им. падеже было переосмыслено как окончание мн. числа. Во-вторых, влияние названий парных предметов, где -а представляло собой признак им. падежа дв. числа: глаза, рога, берега, бока и т.п. По мере исчезновения дв. числа это окончание переосмыслилось как окончание мн. числа. В-третьих, некоторое влияние оказали, может быть, и слова среднего рода, постоянно имевшие окончание -а в им. падеже мн. числа.

В некоторых северновеликорусских говорах встречается безударное окончание -я в им. падеже мн. числа у слов, обозначающих людей и снабженных в ед. числе суффиксом единичности -ин: крестьяня, бояря. Подобные формы нередко отмечаются в московской письменности XVI-XVII вв., иногда и в литературном языке XVIII в. / у Сумарокова: крестьяня/. Возможно, что в данном случае имел место фонетический процесс: -е /-’а.

В русском литературном языке и говорах имеются существительные мужского рода, множественное число которых образуется при помощи суффикса -я, с окончанием -а /-ья/ в им. падеже мн. числа. Ср.: братья, друзья, листья и т.п. Это окончание представляет собой пережиток или результат влияния собирательных имен существительных на -ия или -ие, формы которых были переосмыслены как формы мн. числа, в то время как первоначально собирательные существительные оформлялись в ед. числе. Ср. в Лаврентьевской летописи: городъ съ кольемъ /колие или колье, род. падеж коля / коля, род. падеж кольев и под./.

Диалектное совпадение дательного и творительного падежей во множественном числе. В ряде говоров на севере и в переходной полосе во мн. числе употребляется общая форма дат. и твор. падежей. При этом возможны два случая: 1/ в качестве общей формы употребляется бывшая форма дат. падежа; такое явление весьма обычно в причудских и псковских говорах: с рукам, с ногам - по рукам, по ногам; 2/ общей становится форма тв. падежа: с руками, с ногами - по руками, по ногами.

Смешение форм дат. и тв. падежей и совпадение их в форме дат. падежа чаще всего объясняют фонетически: конечный -и отпал в тв. падеже мн. числа /подобно тому, как он отпал в сло-

вах мать и дочь/; тв.падеж в результате этого перестал отличаться от дат.падежа. Можно предположить и влияние дв. числа, где совпадение дат. и тв.падежей является исконным.

В памятниках письменности смешение дат. и тв.падежей отмечается редко, притом больше у причастий и местоимений; ср. в Новгородском служебнике XIV в.: со всеми боящимися тебе и хранящимъ заповѣди твоя.

Исчезновение чередований согласных в склонении имен существительных

Имена существительные I и II склонений, у которых перед окончанием находился заднеязычный согласный, при склонении в некоторых падежных формах заменяли этот согласный свистящим или /в звательной форме II склонения/ шипящим звуком; у имен существительных мужского рода II склонения на -зь и -ць эти согласные в звательной форме заменялись шипящими. Приведем обзор форм с чередованием:

<p>I склонение</p> <p style="text-align: center;"><u>дорога, рука, муха</u></p> <p>Д.М.ед. дорозѣ, руцѣ, мусѣ</p> <p>И.В.дв. дорозѣ, руцѣ, мусѣ</p> <p>II склонение, ср. род</p> <p style="text-align: center;"><u>иго, вѣко, лихо</u> /"беда"/</p> <p>М.ед. изѣ, вѣцѣ, лисѣ</p> <p>М.мн. изѣхъ, вѣцѣхъ, лисѣхъ</p> <p>И.В.дв. изѣ, вѣцѣ, лисѣ</p>	<p>II склонение, муж. род</p> <p style="text-align: center;"><u>другъ, вѣлкъ, духъ</u></p> <p>М.ед. друзѣ, вѣлцѣ, дусѣ</p> <p>Зв. друже, вѣлче, душе</p> <p>Им.мн. друзи, вѣлци, дуси</p> <p>М.мн. друзѣхъ, вѣлцѣхъ, дусѣхъ</p> <p style="text-align: center;"><u>князь, отць</u></p> <p>Зв. княже, отче</p>
--	--

Уже в конце XI в. в памятниках севернорусской письменности чередование заднеязычных со свистящими в склонении иногда отсутствует. Так, в Минее 1096 г.: рабоу своему Дѣмькѣ /вместо Дѣмьцѣ; им.падеж Дѣмька — уменьшительное от Дѣмианъ/. Сравнительно часто наблюдается отсутствие чередования в памятниках с XIV в. Ср. в новгородской грамоте 1314 г.: на городкѣ; в Тактиконе 1397 г.: о праздникѣхъ; в грамоте 1441-1442 г.: приказчикѣ; в Новгородской I летописи по списку XV в.: на Лоугѣ, владыкѣ. В живом великорусском языке чередование заднеязычных со свистящими в склонении исчезает, вероят-

но, к XVI в. Однако в письменности случаи с чередованием по традиции встречаются в XVI-XVII вв. еще довольно часто, особенно в произведениях художественной литературы, меньше - в деловом языке. Так, в Уложении 1649 г. отмечают три случая чередования: по пасць /"после пасхи"/, во дьяцехъ, въ послусьхъ.

Исчезновение чередования - одна из сторон унификации склонения существительных /выравнивание основы/.

В современном русском языке пережиток старого чередования можно видеть в формах мн. числа слова друг - друзья /др.-рус. друзи; окончание -ья появилось под влиянием собирательных существительных, а основа со свистящим согласным была обобщена для всех форм мн. числа/. Ср. подобный случай обобщения форм со свистящим звуком в Ипатьевской летописи: дат. п. мн. числа грѣцьмь /вместо грекомъ; им. п. мн. числа - греци "греки"/.

Чередование заднеязычных с шипящими в зв. форме исчезло вместе с утратой этой формы. Пережиток его наблюдается в междометии боже /бывшая зв. форма слова богъ/.

Чередование в склонении отчасти сохраняется в современных украинском и белорусском языках. Ср. украинск. на лавці, по дорогі; белор. на лаўце, па дарозе.

Утрата звательной формы

В древнерусском языке, как и в других славянских языках, для выражения обращения использовалась особая звательная форма: жено, отъче и т. д. Зв. форма имела ограниченную сферу применения: во мн. и дв. числах она постоянно совпадала с им. падежом, не было особой зв. формы также у слов среднего рода; у прилагательных и местоимений вместо нее употреблялся им. падеж.

Звательная форма в русском языке довольно рано начинает вытесняться формой им. падежа. В Остромировом ев. в функции обращения встречается им. падеж Марфа /вместо Марфо/; в Минее 1095 г.: Захария священниче /вз. Захарие/. Утрата зв. формы в дальнейшем охватывает северную часть восточнославянских говоров, т. е. говоры, которые легли в основу великорусского языка. В новгородских и московских памятниках деловой письменности в XIV-XV вв. зв. форма ограничивается сравнительно узким

кругом имен существительных /главным образом, князь, братъ, господи́нь и нек.др./ . Зв.форма иногда используется еще в XVII в., возможна в литературном языке XVIII в.; ср., например, у Кантемира: "уме, незрелый плод недолгой науки.." В XIX в. ее иногда применяют в целях стилизации; так, у Пушкина встречаем: "отпусти ты, старче, меня в море..", "ты, отче патриарх.."

Можно предположить, что зв.форма уже к XVI в. перестала быть свойственной живому великорусскому языку. На это указывает, между прочим, тот факт, что в памятниках деловой письменности XVI в. зв.форма иногда используется неправильно, в значении мн.числа. Ср.: и судьи спросили Якова и его товарищев: скажите, брате, ..чья то земля?

Остатками зв.формы в современном русском литературном языке являются междометия боже и господи. Можно встретить остатки зв.формы в фольклоре и в некоторых северновеликорусских говорах. Частично сохраняется зв.форма в современных украинском и белорусском языках: украинск. брате, куме, синку, мамо и под., белор. сынку, братце, голубе и др. В качестве украинизма зв.форму можно встретить у Гоголя: "где ты, батько?" "Ивасю мой милый".

Особенностью древненовгородских говоров /до XV в./ являлось сравнительно частое употребление зв.формы в значении им.падежа, в функции подлежащего; ср. в грамоте ок.1192 г.: се въдале Варламе /"вот дал Варлаам.."/; в памятниках XIV-XVвв. встречаем: Савке рче /"Савка сказал"/, купи Игнате. Впрочем, подобные формы с окончанием -е имеют и другие объяснения.

Во многих великорусских говорах развилась особая зв.форма, не связанная по происхождению со старой. Она употребляется у существительных, оканчивающихся на -а /-я/, и представляет собой чистую основу этих существительных: мам! дядь! Коль!

Развитие категории одушевленности

Фонетические процессы в праславянском языке привели к совпадению форм им.и вин.падежей ед.числа слов мужского рода II, III и IV склонений. Древнейшим отношениям им.и вин.падежей

*brātrōs: *brātrōm, *sūnūs: *sūnūm, *gostīs: *gostīm в позднем праславянском языке соответствуют отношения совпадающих форм: им.ед. bratrъ : вин.ед. bratrъ и т.п. Таким образом исчезло различие между субъектом и объектом, между подлежащим и прямым дополнением. Однако это различие было весьма существенным, особенно в сфере одушевленных существительных, так как неодушевленные существительные реже выступали в роли подлежащего. В условиях совпадения им. и вин. падежей лишь порядок слов помогает различить подлежащее и дополнение, например, в старославянской конструкции типа "Каинъ оуби Авель". Вместе с тем в славянских языках издавна установился относительно свободный порядок слов в предложении, так что последовательность одушевленных существительных не могла быть достаточным критерием для различения главного члена и прямого дополнения.

Чтобы устранить возможность смешения подлежащего и прямого дополнения в сфере одушевленных имен существительных, славяне еще в дописьменную эпоху вместо вин. падежа одушевленных существительных в ед. числе стали применять форму род. падежа; таким образом члены предложения уже не могли больше смешиваться — род. падеж всегда четко отличался от им. падежа.

Форма род. падежа вместо вин. падежа стала использоваться потому, что род. падеж по значению и употреблению издавна имел некоторые точки соприкосновения с вин. падежом. Род. падеж употреблялся вместо вин. падежа при переходных глаголах с отрицанием; при переходных глаголах употреблялся также род. падеж части целого /выпить воду — выпить воды/. К тому же в некоторых случаях совпадали и формы этих падежей: у вопросительного местоимения кто форма кого постоянно служила как для род., так и для вин. падежа; формы род. падежа личных и возвратного местоимений мене, тебе, себе также служили одновременно и для вин. падежа.

В древнейших памятниках русского языка общая форма род. — вин. падежа имен существительных одушевленных употребляется сравнительно редко, лишь у имен собственных людей и от названий лиц мужского пола /притом, естественно, лишь в ед. чис-

ле, так как во мн. числе им. и вин. падежи слов мужского рода первоначально различались и не было необходимости в применении формы род. падежа/; иногда употреблялся и род.-вин. падеж от названий животных. Ср. в Остромировом ев.:... оузрь Исоуса; в Повести временных лет по Лаврентьевской летописи: Володимерь... оуби Рогъволода; в Новгородской I летописи: плъсковизи бо бяху... изгнаши князя Володимира; в Новгородской кормчей 1282 г./"Русская правда"/: оубьетъ моужь моужа, то мьстити.. Ср также случай род.-вин. падежа от названия животного в Лаврентьевской летописи: похвати быка рукою за бокъ.

Старая форма им.-вин. падежа ед. числа в памятниках русского языка XI-XIV вв. сохраняется обыкновенно в следующих случаях: 1/ от названий лиц несамостоятельных и зависимых, например, сынъ, рабъ, челядинъ /"слуга"/; ср. в Новгородской кормчей /"Русская правда"/: вдай ты мнѣ свои челядинъ; в Новгородской I летописи: а сынъ остави Новѣгородъ /"а сына оставил в Новгороде"/; 2/ от существительных с основой на -и, ср. в Лаврентьевской летописи: чтите гость; 3/ от существительных, при которых имеются предлоги /наличие предлога указывало на вин. падеж, так что смешения прямого дополнения с подлежащим в подобном случае не могло быть/, например, в Лаврентьевской летописи: поимемъ жену его Вольгу за князь нашъ за Малъ; 4/ от названий животных, например, в Лаврентьевской летописи: бяху ловяща звѣрь; въдасть печенѣжскни князь Прѣтичъ конь; налѣзоша /"нашли"/ быкъ великъ и силенъ.

В XIII в. в русском языке начинают смешиваться и в конце концов совпадают формы им. и вин. падежей во мн. числе. В связи с этим для различения падежа подлежащего и падежа прямого дополнения и во мн. числе у одушевленных существительных мужского рода начинает использоваться общая форма им.-род. падежа. Первый случай отмечен в грамоте Ивана Калиты XIV в.: пожаловалъ есмь соколниковъ печерскихъ. В XV в. во мн. числе род.-вин. падеж от одушевленных существительных со значением лиц мужского пола становится уже вполне обычным.

Что касается форм ед. числа, то общая форма род.-вин. падежа

в XV-XVII вв. постепенно распространяется на те группы слов, в которых ранее она употреблялась редко или непоследовательно. Так, к середине XVII в. в ед. числе становится нормальной форма род.-вин. падежа от названий животных.

Во мн. числе в XVI в. общую форму род.-вин. падежа получают и одушевленные существительные женского рода. Так, в Домострое мы встречаем: рабынь научити; подобает поучити мужемъ женъ своихъ. Вполне обычным род.-вин. падеж слов женского рода становится в XVII в.

Позднее всего категория одушевленности находит формальное проявление во мн. числе у существительных, обозначающих животных. Первые случаи отмечаются лишь в памятниках русского языка середины XVII в. Так, в Уложении 1649 г. встречаем: у той привады птиць прикормить... и птиць от той привады отгонить.

Категория одушевленности в ее современном виде в русском языке устанавливается лишь к концу XVII в. В языке XVII в. в этом отношении встречается еще очень много разных пережитков более древнего состояния. В I половине XVII в. в ед. числе можно еще встретить употребление старого им.-вин. падежа одушевленных, иногда даже личных имен существительных. Ср. в грамоте 1614 г.: ...за застрѣленной мухикъ; застрелилъ мухика, а подъ другимъ конь ранилъ; в актах 1638 г.: я тотъ свой конь покинулъ на степи; ..за упалой конь; ..выехали обь одинъ конь. Ср. также в сборнике пословиц конца XVII в.: знать соколь по полету. До середины XVII в. употреблялся им.-вин. падеж мн. числа от существительных люди и дѣти, иногда и от других существительных с личным значением. Ср. в Уложении 1649 г.: собака на люди мечется; в актах 1639 г.: ..указъ есть, что намъ гребцы давать.. До середины XVII в. употреблялся старый им.-вин. падеж мн. числа от названий животных. Ср. в книге "Учение и хитрость ратного строя" 1647 г.: ..и куры и утята и гуси крадутъ; ср. в сборнике пословиц конца XVII в.: бѣлки ловить, ношки отбить.

В современном русском литературном языке имеются некоторые следы прежнего употребления им.-вин. падежа от одушевленных имен существительных. К ним относятся наречие зМУЖ, кавале-

рийская команда на конь. Во мн. числе к таким следам относятся выражения типа "выйти в люди", "произвести в майоры", "вступить в члены общества" / значение нового состояния или новой должности /. В XVIII и отчасти в XIX в. пережитком прежнего состояния являлось совпадение им. и вин. падежей в словосочетаниях числительных два, три, четыре с одушевленными существительными. Ср. в письме царевича Алексея 1711 г.: еще жь послалъ двѣ мартышки; у Грибоедова: на них он выменял борзые три собаки. В настоящее время и здесь употребительнее род.-вин. падеж: увидел двух собак, встретил трех друзей.

В северновеликорусских говорах можно встретить сохранение старого им.-вин. падежа во мн. числе от названий животных: продала ли ты свои свиньи? посмотри кони; гоню овцы.

Сохраняется им.-вин. падеж мн. числа от названий животных также в украинском и белорусском языках: украин. пасти воли; белор. закладаць коні и т. п.

Утрата двойственного числа имен существительных

Изменения в категории числа имен существительных в русском языке сводятся к утрате особых форм двойственного числа. Процесс утраты дв. числа пережили вообще многие индоевропейские языки; наличие дв. числа в языке отражает недостаточно высокий уровень грамматической абстракции. По мере развития человеческого мышления дв. число становится излишним: форм единственного и множественного чисел оказывается вполне достаточно для выражения количественных представлений. Если в некоторых славянских языках до сих пор система форм дв. числа довольно хорошо сохраняется / словенский язык, лужицкие языки /, то это объясняется не внутренней потребностью, но устойчивостью грамматической традиции.

Категория дв. числа в древнерусском языке была свойственна всем изменяемым частям речи. Однако она была наиболее характерна для имен существительных - другие части речи / глагол, прилагательное и т. д. / в формах дв. числа согласовались с существительными, отражая наличие двух действующих предметов. Ср.: оба брата придоста / "пришли оба брата" / - дв. число гла-

года обусловлено дв.числом существительного, тем обстоятельством, что речь идет о двух предметах.

Употребление форм дв.числа. В древнейших памятниках русского языка формы дв.числа имен существительных употребляются совершенно правильно. Дв.число имело вообще всего три особых падежных формы - для им.-вин./с различными окончаниями в разных склонениях/, для род.-мест./с общим элементом -у или -ю во всех склонениях: жену, столу, коню, сынову, гостю/, для дат.-твор./с общим элементом -ма во всех склонениях: женама, столома, сынъма, гостьма/.

Дв.число употреблялось в следующих случаях:

1/ если речь шла о двух предметах, причем количество этих предметов определялось в предложении числительными дѣва, оба. Например, в Новгородской кормчей 1282 г./"Русская правда"/: за мѣхъ двѣ ногатѣ /ногата - древнерусская денежная единица/; в новгородской грамоте XIII в.: въ двоу носадоу /"в двух кораблях"/; в Лаврентьевской летописи: съ двѣма сынома.

2/ если речь шла о двух предметах, которые в предложении перечислялись; ср.в Лаврентьевской летописи: съ сынма своима Юргемъ и Володимеромъ.

3/ если из всего контекста следовало, что речь идет именно о двух предметах или лицах; ср.в "Слове о полку Игореве": ту ся брата разлучиста /из контекста ясно, что речь идет о двух братьях, Игоре и Всеволоде/.

4/ если речь шла о парных предметах /рога, рукава, руцѣ, носѣ, плечи и т.п./; например, в Житии Нифонта 1219 г.: изоуваше сапога своя; в Лаврентьевской летописи: лось рогома боль /"лось бодал рогами"/.

В связи с особенностями образования числительного двенадцать в древнерусском языке - дѣва на десяте - существительные при нем также употреблялись в формах дв.числа. Например, в Житии Феодосия Печерского по списку XII в.: двѣнадесяте лѣтѣ.

Это - основные случаи употребления дв.числа. В некоторых памятниках кроме того наблюдается использование дв.числа вместо ед.числа имен собственных; если два имени собственных

обыкновенно употребляются вместе, то каждое из них иногда стоит в форме дв. числа. Ср. в Новгородской I летописи: пѣрене-сена быста Бориса и Глѣба / вместо: Борисъ и Глѣбъ; память этих святых отмечалась в один и тот же день, и их вообще обыкновенно упоминали вместе; на канонъ святоу Петроу и Павлоу / "накануне праздника святых Петра и Павла" /. Причины такого употребления дв. числа не совсем ясны.

Процесс исчезновения дв. числа. Первые несомненные случаи употребления форм мн. числа вместо закономерных форм дв. числа имен существительных в памятниках отмечаются с XIII в. В Житии Нифонта 1219 г., в записи, встречаем: помози рабомъ своимъ Иванну и Олексию, написавшема книги сия / вместо: рабома своима; интересно, что причастие в этом же предложении все же имеет форму дв. числа. В памятниках XIII в. такие случаи совершенно единичны; возможно, что в XIII в. дв. число у имен существительных в общем еще сохраняется. Однако к XIII в. относится замена старого окончания им. -вин. падежа дв. числа слов среднего рода соответствующим окончанием слов мужского рода. Ср. в грамоте новгородца Климента 1270 г.: даю два села / вместо: двѣ сельѣ; в Новгородской I летописи: два лѣта.

Возможно, что дв. число раньше заменяется мн. числом там, где нет поблизости числительных два, оба. В памятниках XIV в. при многочисленных в общем случаях замены дв. числа мн. числом формы дв. числа все же обыкновенно удерживаются при числительном два. Так, в московских грамотах XIV в. отмечены лишь два случая постановки мн. числа при "2": двѣ чары / вместо: чарѣ /, изъ двоу жеребьевѣ / вместо: жеребью; жеребии - удел, участок. Формы дв. числа довольно правильно употребляются в Новгородской I летописи по списку XIII-XIV вв. и в Лаврентьевской летописи, в новгородских грамотах XIII и XIV вв.

Существуют различные мнения относительно времени утраты дв. числа в русском языке. Иногда этот процесс датируют XIII в. Однако в XIII в. формы дв. числа употребляются в общем еще правильно. По-видимому, вернее всего датировать окончательное исчезновение дв. числа как особой системы падежных форм имени существительного началом XV в. Возможно и то, что утрата

дв. числа происходила одновременно в разных говорах древнерусского языка.

Остатки формы дв. числа имен существительных. Исчезнувшее дв. число оставило целый ряд пережитков и следов в русском и других восточнославянских языках. Это главным образом остатки старой формы им.-вин. падежа дв. числа.

I. Многие названия парных предметов в русском языке имеют форму им. падежа мн. числа, которая по происхождению является прежней формой им.-вин. падежа дв. числа. Таковы: глаза́, бока́, рога́, берега́, рукава́ /им. падеж дв. числа слов мужского рода с основой на -о/, плéчи, колéни, у́ши, бчи /им. падеж дв. числа слов среднего рода; колени - вместо закономерного колѣнѣ/. В древности эти существительные имели и особые формы мн. числа /бóци, рбзи, бѣрези, плечá, колѣна/; однако их мн. число было не особенно употребительным, чаще употреблялось дв. число. Поэтому по мере утраты дв. числа старая форма им.-вин. дв. получила значение им. падежа мн. числа. Ср. в одной рукописи XV в.: рукава же ризь ихъ широци /по смыслу здесь уже мн. число, так как речь идет о нескольких одеждах/. Неправильно образованы формы уши и очи. Если учитывать основу на -с, то в им. падеже дв. числа следовало бы ожидать форм ⁺ушесѣ, ⁺очесѣ /мн. число: ушеса, очеса/; от основ без наращення ок- и ух- можно было бы ожидать им. падежа дв. числа ⁺оцѣ, ⁺уцѣ, но такие формы также не засвидетельствованы.

В истории русского литературного языка многие из указанных существительных обнаруживают колебания между формами старого дв. числа и формами старого мн. числа. В литературном языке XIX в. можно встретить формы плечá, колéна, рóги. Ср. у Пушкина: "умыть лицо, плеча и грудь"; "дрожащие колена преклоняю"; у раннего Пушкина встречается и форма роги /"Фавн и пастушка", 1816 г./; у Тургенева: "Платок скатился с ее головы на плеча".
Формы бóки, рóги, глáзы весьма обычны и в говорах русского языка /встречаются в Причудье/.

У слов женского рода со значением парных предметов старая форма им. падежа дв. числа не сохранилась. Можно объяснить это тем, что окончание -ѣ /руцѣ, нозѣ/ среди окончаний мн. числа

было слишком необычным и не могло быть переосмыслено как окончание мн. числа.

2. Форма имен существительных мужского рода, которую они принимают при числительных 2, 3, 4 /два шага, три часа, четыре стола/, по происхождению представляет собой прежнюю форму им.-вин. падежа дв. числа. Сочетание два шага в древнерусском языке представляло собой единство формы, с согласованием, - им. падеж дв. числа существительного и им. падеж мужского рода числительного. По мере утраты категории дв. числа форма стола стала восприниматься как форма род. падежа ед. числа, т. е. как форма управляемая. Такому переосмыслению помогало то обстоятельство, что при числительных начиная с пяти, искони употреблялся род. падеж существительных /пять человек/, правда, род. мн. числа. Если между им. падежом дв. числа и род. падежом ед. числа была разница в ударении, то в форме, употреблявшейся при числительном два, постепенно установилось ударение род. падежа /ср.: два гла́за и глаза́/. Под влиянием сочетаний числительного два с существительными мужского рода, им. падеж дв. числа которых был переосмыслен как род. падеж ед. числа, существительные женского рода при два также стали принимать форму род. падежа ед. числа /ср.: две руки́ - но мн. число: руки/.

Этим объясняется известное противоречие в системе современного русского языка: в исходной форме словосочетания два стола существительное с точки зрения современной грамматики как бы стоит в ед. числе, в косвенных же формах - во мн. числе /двух столов, двум столам, двумя столами/.

Употребление род. падежа при два в великорусском языке стало нормой уже к XVI в. При числительных три и четыре первоначально употреблялся им. падеж мн. числа. Ср. в грамоте 1579 г.: взяли три топоры; в грамоте 1625 г.: четыре человѣки; в грамоте 1671 г.: колоколь в 4 пуды. Однако под влиянием сочетаний с числительным два при числительных три и четыре с XVII в. также начинают употреблять род. падеж имен существительных. В Москве такое употребление становится обычным к середине XVII в., во многих говорах - лишь к концу XVII или в XVIII в. Впрочем, иногда при числительном два под влиянием сочетаний с

три и четыре употреблялась и форма им.падежа мн.числа.Ср. в двинской грамоте 1536 г.: два годы.Изредка подобные сочетания встречаются и в современных русских говорах.

3.Остатки старых форм дв.числа иногда сохраняются в отдельных словах.Так, в наречии воочию /"своими глазами"/ сохраняется форма мест.падежа дв.числа очию с предлогом в.Числительное двести сохраняет в своем составе, в несколько измененном виде, форму им.падежа дв.числа слова съто, которое склонялось в свое время подобно существительным среднего рода на -о /дѣвѣ сътъ как дѣвѣ сель/.

4.Особые следы дв.числа можно встретить в говорах.Так, в северновеликорусских /поморские и олонецкие/ говорах встречается форма тв.падежа мн.числа с окончанием -ма /за уткама, плотамы и т.п./, восходящая к форме дат.-тв.падежа дв.числа.

В украинском и белорусском языках при числительных 2-4 вообще употребляется им.падеж мн.числа /украин.два столі, белор. два сталі/.Однако слова женского рода в югозападных говорах, иногда и в литературном украинском языке, при числительном "2" принимают старую форму им.-вин.падежа дв.числа: дві руці, дві корові /-і из - ѣ/.Подобное явление отмечается и в говорах белорусского языка: дзве назэ, дзве дарозе /в литературном белорусском языке: дзве нагі, дзве дарогі/.

2. МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимения издавна распределяются по двум группам, между которыми имеются весьма существенные различия.

Личные местоимения, к которым по своим формам примыкает возвратное местоимение, характеризуются отсутствием категории грамматического рода, своеобразными окончаниями падежных форм, супплетивностью основы /ср., например, разные основы для ед.и мн.чисел местоимений I и 2 лица: я - мы, ты - вы; разные основы используются и в ед.числе местоимения I лица, ср. др.-русск.им.падеж язь - род.падеж мене/.

Неличные местоимения в общем обладают категорией рода, т.е. изменяются по родам /за некоторыми исключениями/, и имеют единые основы /ср.др.-русск. формы указательного местоиме-

ния: ед. число тъ, та, то, мн. число ти, ты, та, дв. число та, тѣ /.

Личные и возвратные местоимения

К личным местоимениям в древнерусском языке относились местоимения I и 2 лица всех трех чисел. Местоимение 3 лица по происхождению представляет собой указательное местоимение, и его целесообразно рассматривать вместе с неличными местоимениями.

Формы склонения личных и возвратного местоимений:

Ед. число			Мн. число	
Им. язъ	ты	-	Им. мы	вы
Р. мене	тебе	себе	Р. насъ	васъ
Д. мѣнѣ, ми	тобѣ, ти	собѣ, си	Д. намъ, ны	вамъ, вы
В. мене, мя	тебе, тя	себе, ся	В. насъ, ны	васъ, вы
Тв. мѣною	тобою	собою	Тв. нами	вами
М. мѣнѣ	тобѣ	собѣ	М. насъ	васъ
Дв. число				
		Им. вѣ	ва	
		Р. М. наю	ваю	
		Д. Т. нама	вами	
		В. на	ва	

Приведенная система склонения личных и возвратного местоимений сравнительно мало отличается от старославянской системы склонения. Существенное отличие — лишь в формах дат. и мест. падежей ед. числа местоимений 2 лица и возвратного, где в основе появляется гласный -о- /тобѣ, собѣ/ в соответствии с гласным -е- в старославянских формах /тебѣ, себѣ/. Остальные особенности были вызваны фонетическими процессами. Так, старославянскому -а в окончаниях местоимений закономерно соответствует древнерусское -я /вин. падеж ед. числа, краткие формы мѣ, тѣ, сѣ — в старославянском языке мѣ, тѣ, сѣ/; старославянскому -ѣ в древнерусском так же закономерно соответствует -ю /тв. падеж ед. числа мѣною, тобою, собою — в старославянском языке мѣною и т. п. / фонетического происхождения также различие в им. падеже ед. числа местоимения I лица — др.-русск. язъ при старославянском азъ.

История форм личных местоимений. В формах личных местоимений в русском языке произошли довольно существенные изменения, особенно в ед. числе.

Форма им. падежа ед. числа местоимения I лица язь /с йотацией начального гласного/ является праславянской формой, так как почти все славянские языки /за исключением болгарского/ указывают на наличие j-. Старославянская форма азь - результат отпадения начального j-, которое происходило в древнеболгарских говорах /ср. также старослав. агньць, аблько в соответствии с русскими формами ягненок, яблоко/. Под влиянием старославянского языка форма азь довольно долго употребляется в русской письменности наряду с собственно русскими формами этого местоимения.

Форма язь в древнерусском языке уже с XII в. утрачивает согласный звук -з. В Мстиславовой грамоте 1130 г. мы встречаем форму я наряду с более старой язь /и со старославянской азь/. Впрочем, по традиции старая форма используется довольно долго, и еще в XVI в. в московской письменности она более обычна, чем я. Ср. в грамоте 1523 г.: се яз, худыи раб божи Василии... Употребление старой формы прекращается лишь после XVII в.

Формы дат.-мест. падежей ед. числа с гласным -о- /тобѣ, собѣ/, по-видимому, не являются праславянскими, хотя распространены не только в восточнославянских, но и в западнославянских языках /польск. tobie, sobie, чешск. tobě, sobě/. Их возникновение объясняется аналогией формы тв. падежа ед. числа, где гласный -о- является исконным. В древнерусском языке отмечаются и формы с -е-. Так, например, в Лаврентьевской летописи можно встретить и те, и другие формы. Ср.: идуть к тебѣ Варязи; азъ буду тобѣ в сердце. Не исключена возможность, что в некоторых восточнославянских говорах постоянно существовали формы с гласным -е-; однако в письменном древнерусском языке раннего периода их все же правильнее рассматривать как формы старославянские. Широкое распространение форм с -е- относится к периоду с XV в. В московском говоре, в средне́русской полосе и в большинстве северновеликорусских говоров современные формы

дат.-мест. падежей тебе, себе начинают господствовать в XVII в. и вытесняют формы с вокализмом -о-. Формы с гласным -е-, естественно, поддерживались церковнославянским языковым влиянием; независимо от этого влияния они могли возникнуть и распространиться по аналогии форм род. падежа с исконным вокализмом -е-/мене, тебе, себе/.

В настоящее время формы с -о- употребляются главным образом в жновеликорусских говорах /в силу аканья произносят табѣ, сабѣ/, иногда в северных /тобѣ, собѣ/; они характерны для белорусского /табѣ, сабѣ/ и украинского /тобі, собі/ языков.

Изменения произошли также в форме род.-вин. падежа ед. числа. Здесь следует отметить два процесса. Во-первых, в основу род.-вин. падежа местоимения 2 лица и возвратного в говорах древнерусского языка нередко проникает гласный -о- /из формы дат.-мест. падежа/, так что получаются формы тобе, себе. Ср. в Псковской III летописи /по списку XVI в./: около собѣ /-ѣ в окончании - описка; в древнепсковском говоре ѣ рано совпал с е/. Во-вторых, в северновеликорусских говорах в форме род.-вин. падежа появляется окончание -я. В письменности, в том числе московской, новые формы встречаются с XIV в., при этом вначале как с вокализмом -е-, так и с вокализмом -о-. Ср. в грамоте Дмитрия Донского 1389 г.: а чимъ благословиль тобя отецъ твои..; в грамоте 1397 г.: съ себя. В дальнейшем в форме род.-вин. падежа местоимения 2 лица и возвратного в основе устнавливается вокализм -е-/тебя, себя/.

Можно видеть различные причины образования новых форм род.-вин. падежа на -я. Некоторое влияние могло оказать склонение имен существительных мужского и среднего рода с мягкой основой /т.е. род.-вин. падеж меня по аналогии коня/. Могли воздействовать своим окончанием также краткие формы вин. падежа тех же самых местоимений /мя, тя, ся/; в таком случае новое окончание стало применяться в первую очередь для вин. падежа, а затем уже распространилось и на род. падеж. Краткие формы вин. падежа ед. числа в XIV в., когда в памятниках начинают встречаться новые формы род.-вин. с окончанием -я, были

еще вполне употребительны. Иногда в этом изменении видят фонетический процесс /-е 7 -а/, но это маловероятно, так как на окончании лежало ударение, а достоверные случаи перехода -е в -а в русском языке известны лишь в безударной позиции.

В южновеликорусских говорах до сих пор сохраняются старшие формы род.-вин.падежа /у мянѣ, у тябѣ/; так и в украинском и белорусском языках.

Наконец, следует остановиться на судьбе кратких форм /энклитик/ дат.и вин.падежей.

Во мн.числе, по-видимому, раньше всего утрачиваются краткие формы дат.падежа /ны, вы/, совпадавшие с краткими формами вин.падежа и, у местоимения 2 лица, с нормальной формой им.падежа. Они сравнительно редко употребляются уже в древнейших памятниках русского языка. Вслед за ними, примерно к XV в., в живом языке утрачиваются и краткие формы вин.падежа мн.числа. В этой утрате известную роль сыграло развитие категории одушевленности, в связи с которым в значении вин.падежа все чаще применялась полная форма /насъ, васъ/, совпадавшая с формой род.падежа.

Краткие формы дат.и вин.падежей ед.числа в живом древнерусском языке сохранялись несколько дольше. Формы дат.падежа ми, ти, си иногда утрачивали конечный гласный и в произношении примыкали к предшествующему слову. Ср. в Ипатьевской летописи: велела мь. Это происходило в том случае, если на местоимении не было ударения. Вообще краткие формы дат.и вин.падежей ед.числа в живом языке окончательно перестают употребляться в XVII в. Употребление дат.падежа ти в I пол.XVIII в. В Тредьяковским /"без рассудка ничего б ти не начинати"/ объясняется влиянием церковнославянской стихии. Краткая форма вин.падежа возвратного местоимения сохраняется до сих пор лишь в функции возвратной частицы /кататься, драться/; значение вин.падежа местоимения она утратила /драться ≠ драть себя/. В некоторых говорах русского языка в этой функции закрепились прежняя краткая форма дат.падежа возвратного местоимения си /драться, кататься/. Краткая форма дат.падежа местоимения 2 лица сохраняется в некоторых говорах в виде те.

Ср.отражение этой формы у Пушкина /"Метель"/: "Ставень под-
нялся, борода показалась." "Что те надо?" Ср.также простореч-
ное "я те покажу!"

Неличные местоимения

Неличные местоимения в древнерусском языке образовывали
единое склонение. Однако местоимения с мягкой основой имели
все же некоторые отличия в падежных окончаниях, вызванные фо-
нетическими процессами дописьменного периода.

Склонение неличных местоимений.

Твердые	Ед.число	Мн.число	Дв.число
основы:	Им.тѣ, та, то	ти, ты, та	И.В.та /м.р./, тѣ
	Р. того, тоѣ	тѣхъ	Р.М.тоу
	Д. тому, тои	тѣмъ	Д.Т.тѣма
	В. тѣ, ту, то	ты, та	
	Тв.тѣмъ, тоу	тѣми	
	М. томъ, тои	тѣхъ	

По этому типу склонялись также местоимения онѣ, она, оно, инѣ
/"иной"/, самѣ, всѣхъ, коликъ /"какой большой"/ и нек.др. По
этому образцу склонялось и местоимение кѣто, но с отпадением
-то в косвенных падежах, притом без изменений в роде и числе.
Следует иметь в виду, что в местоименных основах на -к- перед
окончаниями, содержащими -ѣ- и -и-, происходило чередование:
кѣто - тв.падеж цѣмъ, всѣхъ - тв.ед.числа всѣхъ, род.мн.
числа всѣхъ и т.п.

Мягкие	Ед.число	Мн.число	Дв.число
основы:	Им.мои, моя, мое	мои, моѣ, моя	И.В.моя/м.р./
	Р. моего, моѣ	моихъ	мои
	Д. моему, моеи	моимъ	Р.М.моу
	В. мои, мою, мое	моѣ, моя	Д.Т.моима
	Тв.моимъ, моеи	моими	
	М. моемъ, моеи	моихъ	

По мягкому образцу склонялись все притяжательные местоиме-
ния /твои, наш и т.п./, местоимение ⁺и, ⁺я, ⁺е, засвидетель-
ствованное в письменности лишь в формах косвенных падежей
/впрочем, его им.падеж сохранился в составе относительного

местоимения яже, яже, еже "который"/, местоимение сь, си, се /"этот"/, местоимения чи, кьи, вьсь /последнее - не во всех падежных формах/, чьто /с отпадением частицы -то в косвенных падежах, притом без изменения в роде и числе/ и некоторые другие.

Древнерусское склонение неличных местоимений отличалось от старославянского склонения в нескольких падежных формах. Чисто фонетическое отличие мы наблюдаем в вин. и твор. падежах ед. числа женского рода местоимений /др.-русс. вин. ту, твор. тоу - ст.-сл. вин. тѣ, твор. тоѣ/. Более существенное отличие - окончание -ѣ в соответствии со старославянским окончанием -ѣ в род. падеже ед. числа женского рода, в вин. падеже мн. числа мужского и женского рода мягких основ и в им. падеже мн. числа женского рода мягких основ. Ср.: род. ед. числа тоѣ - ст.-сл. тоѣ; вин. мн. числа моѣ - ст.-сл. моѣ и др. Выше мы отметили такую же особенность в древнерусском склонении имен существительных с мягкими основами на -а и -о.

Естественно, что под влиянием старославянского языка в памятниках русской письменности нередко можно встретить и окончание -ѣ или, в русифицированном виде, -ѣ /например, род. п. ед. числа жен. рода нашеѣ или нашеѣ наряду с народной формой нашеѣ/.

Говоря об отличиях древнерусского склонения неличных местоимений от старославянского, можно упомянуть еще, что в древнерусском языке местоимение чьто, по-видимому, не имело формы род. падежа чесо, засвидетельствованной старославянским языком - живому языку была свойственна лишь форма чего.

Взаимодействие твердого и мягкого вариантов склонения неличных местоимений. В истории русского языка наблюдается некоторое воздействие твердого варианта местоименного склонения на мягкий и, наоборот, мягкого на твердый.

Уже в дописьменную эпоху и отчасти в общеславянском масштабе влиянию твердого варианта склонения подверглось местоимение вьсь. В древнейших памятниках русского языка оно имеет падежные окончания отчасти по мягкому, отчасти же по твердому образцу. Ср.: род. п. ед. числа вьсею, вьсеѣ, дат. п. вьсею, вьсеи,

мест. п. всьемь, вьсеи, вин. п. мн. числа всьѣ /мягкое склонение/
- тв. п. ед. числа муж. р. всьѣмь, род. п. мн. числа всьѣхъ, дат. п.
всьѣмь, тв. п. всьѣми /твердое склонение/. В московском говоре
и в некоторых других говорах в XIV-XV вв. у этого местоиме-
ния временно восстанавливаются окончания мягкого варианта
склонения - всихъ, всимъ, всими. Однако в дальнейшем появляют-
ся снова и закрепляются окончания с -ѣ-, отражающиеся и в со-
временном русском языке /всех, всем../.

Под влиянием твердого варианта склонения в древнерусской
письменности начиная с XIII в. отражаются новые формы притя-
жательных местоимений, со звуком -ѣ- в падежных окончаниях:
моѣхъ, моѣмъ, твоѣхъ, твоѣмъ и т. п. Эти формы не закрепились в
московском говоре и в литературном языке - были восстановле-
ны окончания с гласным -и-. Воздействие твердого варианта
отражается в современном русском языке в форме тв. падежа
местоимения ч/ѣ/то - чем /из чѣмъ, которое распространилось
вместо др.-русск. чимъ под влиянием форм типа тѣмъ/.

В некоторых случаях проявилось и влияние мягкого варианта
склонения на формы твердых основ. Этим влиянием объясняются
современные формы местоимения сам: тв. п. ед. числа самим /вме-
сто др.-русск. самѣмъ/, во мн. числе самих, самими /др.-русск.
самѣхъ, самѣми/; формы местоимения этот - этих, этими и т. п.
Такое же влияние испытало на себе числительное один, склоняв-
шееся в древнерусском языке подобно местоимениям с твердой
основой /др.-русск. род. п. мн. числа однѣхъ - совр. одних/.

Образование общих окончаний для всех родов во мн. числе.

В древнейший период истории русского языка в им. падеже мн.
числа местоимения имели три особых родовых окончания: в твер-
дом варианте -и /муж. р./, -ѣ /жен. р./, -а /ср. р./, в мягком ва-
рианте -и /муж. р./, -ѣ /жен. р./, -а /ср. р./; в вин. падеже мн.
числа употреблялись два особых родовых окончания: в твердом
варианте -ы /муж. и жен. р./, -а /ср. р./, в мягком варианте -ѣ
/муж. и жен. р./, -а /ср. р./.

С течением времени происходит унификация родовых окончаний.
Указательное местоимение тѣ - тотъ в московском говоре к XV
в. получило общую форму им.-вин. падежа мн. числа тѣ. Эта новая

форма, служившая для всех родов, образовалась под влиянием косвенных падежей мн. числа, в окончаниях которых содержался звук -ѣ /тѣхъ, тѣмъ../. Окончание -ѣ в им. падеже мн. числа первоначально обобщили и другие местоимения с твердой основой, и таким образом в XIV-XV вв. употреблялись формы самѣ, инѣ, онѣ, однѣ; под их влиянием окончание -ѣ получило и местоимение с мягкой основой весь - всѣ. В то же время местоимения с мягкой основой обобщили окончание -и - так образовались современные формы мои, твои, наши, чьи; под их влиянием в конце концов установилось окончание -и также у нескольких местоимений с твердой основой: сами, они, эти; таким образом, окончание -е /из -ѣ/ сохранилось лишь у местоимений тот и весь - те, все.

В русской орфографии до реформы 1917 г. существовало искусственное разграничение форм мужского и среднего, с одной стороны, и женского рода, с другой стороны, у местоимения он: они /муж. и ср. р./ - онѣ /жен. р./; в живом языке это разграничение не имело никакой опоры, так как употреблялась лишь форма они.

Членные или полные формы местоимений. Членные формы прилагательных возникли в славянских языках в результате присоединения к именным основам указательного местоимения^{+и}, ^{+я}, ^{+е} /добръ-и, добра-я, добро-е/. Однако в дальнейшем некоторые местоимения в свою очередь подверглись влиянию падежных форм членных прилагательных и претерпели соответствующие изменения.

Полную или членную форму получили в конце концов местоимения инѣ / 7 ини 7 иной/, онѣ в указательном значении /оний/, всякъ / 7 всякыи 7 всякий/ и некоторые другие. При этом изменялись и косвенные падежи местоимений; например, во мн. числе вместо древнерусских нечленных форм онѣхъ, инѣхъ, всяцѣхъ в род. падеже установились формы оныхъ, иныхъ, всякихъ, аналогичные формам полных прилагательных. Из местоимений с мягкой основой такому влиянию подверглось старое местоимение сѣ, си, се, которое в русском литературном языке в конце концов приняло формы сей /из сии/, сия, сие. В говорах влияние форм полных

прилагательных сказывается и на других местоимениях, в том числе на местоимении тот. Так, в псковских и причудских говорах встречаются формы им. падежа тая /жен.р./, тое /ср.р./, вин. падеж женского рода туу, им. падеж мн. числа тме. По данным псковских летописей, такие формы распространяются с XV в.

Формы род. падежа ед. числа. В форме род. падежа ед. числа неличных местоимений произошли некоторые изменения, отражающиеся и у полных имен прилагательных.

Род. падеж женского рода первоначально оканчивался -ѣ /тоѣ, нашеѣ/. Полагают, что в этой форме -ѣ довольно рано мог переходить в -е /еще до совпадения его с -е в прочих случаях/. В дальнейшем -е в этом окончании переходил в -ѣ или отпадал, так что получались формы типа тоѣ или той. Для большинства русских говоров и литературного языка вообще более характерно отпадение конечного гласного — ср. современные формы той, нашей, моей и т. п. Переход конечного -е в -ѣ отражается лишь в двух случаях: род. падеж еѣ /из ее, которое в свою очередь получилось из еѣ/, употребляемый в настоящее время и в роли вин. падежа, и вин. падеж самоѣ /бывший род. падеж местоимения сама; с течением времени он стал служить в роли вин. падежа, в то время как для род. падежа употребляется форма с отпавшим -е — самой/. Последняя форма вообще малоупотребительна: в разговорной речи обыкновенно употребляется форма саму. В говорах род. и вин. падежи с окончанием -ѣ встречаются и у других местоимений. Ср. у Ершова /"Конек-Горбунок"/: "доставать тоѣ Жар-птицу".

По правилам старой русской орфографии /до 1917 г./ форма ее употреблялась в вин. падеже, в родительном же писали ея /нея/. Эта последняя форма в живом русском языке никогда не существовала: она восходит к старославянской форме еня.

В род. падеже ед. числа местоимений мужского и среднего рода на месте старого окончания -ого /-его/ в северновеликорусских говорах с XV в. появляется окончание -ово /-ево/. Одновременно это окончание распространилось и у полных прилагательных. Ср. в записи новгородской рукописи XV в.: великово Новгорода; в других памятниках XV в.: моево, другово, право-

во. В настоящее время это окончание распространено в северновеликорусских и средневеликорусских говорах; в юговеликорусских говорах, а также в украинском и белорусском языках, в окончании род. падежа произносится звонкий фриктивный заднеязычный согласный /γ /.

Это окончание объясняется по-разному. Наиболее вероятным представляется фонетическое объяснение: -ого 7-о҃о 7-оо 7-ово /т.е. звук г стал произноситься фриктивно и, будучи менее устойчивым, чем соответствующий взрывной звук, в конце концов выпал; образовалось несвойственное русскому языку сочетание гласных -оо-, которое было устранено посредством вставки -в-/. Действительно, на севере /олонецкие и поморские говоры/ отмечены формы типа доброо, которые представляют собой промежуточную ступень в развитии этого окончания. Морфологическое объяснение связывает появление окончания -ово со склонением притяжательных прилагательных на -ов: Петровъ сынъ, род. падеж Петрова сына. Однако в результате влияния род. падежа притяжательных прилагательных на -ов следовало бы ожидать прежде всего появления в северновеликорусских говорах окончания -ова /с гласным -а, т.е. самава, инова, добрава/; такое окончание в письменности встречается, но редко, притом в поздних памятниках.

Изменения в формах отдельных местоимений.

I. Местоимение тѣ - тот. В истории этого местоимения следует обратить внимание главным образом на форму им. падежа ед. числа мужского рода - др.-русск. тѣ, современ. тот. Изменение этой формы связано с падением редуцированных звуков: если бы форма мужского рода утратила конечный редуцированный звук, остался бы лишь согласный -т-, и такая форма, естественно, была бы весьма неудобна и невыразительна; с другой стороны, если бы редуцированный звук, оказавшись в сильной позиции /например, при наличии ударения/, прояснился и перешел в -о-, то новая форма совпала бы с формой среднего рода /то/, что также представляло значительные неудобства. Поэтому в большинстве русских говоров стала использоваться для мужского рода удвоенная основа - тѣтѣ-, откуда и получилось современное тот.

По памятникам эта новая форма прослеживается с XIII в.

Однако в древнерусском языке использовались и другие формы им. падежа мужского рода. Возможно, что в течение некоторого времени существовала форма то /совпадавшая с формой среднего рода/, получившаяся из тъ. Ср. в Лаврентьевской летописи: бѣ же варягъ то пришелъ изъ грекъ/"варяг тот пришел из Греции"/— здесь в значении мужского рода используется форма то. Существует мнение, что к этой форме восходит частица то в современном русском языке /"а он-то все пишет.."/. Форма мужского рода без удвоения основы и с утраченным гласным отражается в севернорусских говорах в виде своеобразного постпозитивного артикля: дом-от /"тот дом"/; в подобных случаях местоимение настолько тесно примыкало к предшествовавшему слову, что -ъ в конце этого слова оказывался в сильной позиции /домѣтъ/. Наряду с формой тотъ в древнерусском языке употреблялись и формы, образованные по типу полных прилагательных — тои и тии. Обе формы встречаются, например, в Ипатьевской летописи. Вторая из них сейчас представляет собой обычную форму этого местоимения в белорусском языке.

Прочие формы местоимения тъ — тот не вызывают особых замечаний.

Можно отметить, что с течением времени несколько изменилась синтаксическая функция этого местоимения: в древнерусском языке оно довольно свободно использовалось как местоимение-существительное, в роли подлежащего и дополнения, в современном языке — почти исключительно в роли определения.

2. Местоимение этот, весьма употребительное в современном русском литературном языке, образовалось на основе местоимения тъ — тотъ в XVII в. К основе местоимения тотъ присоединилась указательная частица э-, которая находится и в составе слов экий, этак, эвоп. Частица эта имеет несколько необычный вид — перед э отсутствует йотация. По мнению А. А. Шахматова, отсутствие йотации объясняется происхождением частицы из +he, ср. белорусск. гэты "этот"; в части говоров древнерусского языка придыхание перед э исчезло.

Новое местоимение /в виде етотъ/ встречается в письменнос-

ти со II половины XVII в. Вплоть до конца XVII в., отчасти и в XVIII в., возможно было отдельное употребление частицы э. Ср. в письме Петра I 1696 г.: моя е в том вина /"в этом моя вина"/. Пережитком свободного употребления частицы э является диалектное местоимение эвот /из э в тот, с предлогом в между частицей и местоименной основой/. Формы местоимения э тот уже при возникновении подверглись влиянию мягкого варианта местоименного склонения: уже в XVII в. употребляются формы им. падежа мн. числа эти, род.-мест. мн. числа этих и т.п. /но ср.: те, тех и т.д./.

В литературном русском языке местоимение э тот получило значение указания на предмет, ближайший по отношению к другому предмету, и таким образом было противопоставлено местоимению тот. В течение XIX в. местоимение э тот постепенно вытеснило местоимение сей, которое также указывало на ближайший предмет.

3. Местоимения ⁺и-его и онъ. Местоимение ⁺ первоначально было указательным местоимением, но уже в дописьменную эпоху стало выполнять функции личного местоимения 3 лица, сохранив при этом формы склонения, характерные для мягких основ неличных местоимений. Им. падеж всех чисел этим местоимением был утрачен в дописьменный период /сохранился в сочетании с частицей же в составе относительного местоимения иже/; он был постепенно заменен им. падежом указательного местоимения онъ, она, оно /мн. число: они, оны, она; дв. число: она, онѣ/. Так произошло объединение в одном склонении двух различных местоимений:

Им. онъ, она, оно	они, оны, она	Им. она /м.р./, онѣ
Р. его, еѣ	ихъ	Р. М. ея
Д. ему, ей	имъ	Д. Т. има
В. и, ю, е	ѣ, я	В. я /м.р./, ѣ
Тв. имъ, ея	ими	
М. емъ, ей	ихъ	

Местоимение онъ, войдя в соприкосновение с местоимением ⁺и, постепенно стало употребляться лишь в функции подлежащего;

хотя прежде нередко использовалось и в функции определения, ср. в Новгородской I летописи: онъ полъ моря /"та сторона моря"/; в функции определения закрепилось местоимение онни, образованное от той же основы, но с окончаниями, заимствованными у полных прилагательных. Между онъ и онни постепенно установилось и различие в ударении: она́ - она́я, онó - оно́е.

В косвенных падежах местоимения онъ-его при употреблении с предлогами еще в общеславянский период появилось приставное н-: отъ него, къ нему, къ ней, съ нихъ и т.п. Это н- когда-то оторвалось от старых предлогов-приставок ⁺вън-, ⁺зън- и прикрепило к основе местоимения /ср. сохранение старого состава предлога-приставки с/ъ/н- в приставочном глаголе снятъ, где корнем является -я-/ . В литературном русском языке установилось употребление форм с н- в том случае, если местоимение сочетается с предлогом; в говорах встречаются и другие нормы употребления форм с н- и без н- /у ево, с им, от их, об ево и т.п./.

Вместо старой формы вин. падежа как единственного, так и множественного числа в русском языке стала использоваться форма род. падежа /т.е. формы его, ее, их вместо прежних и, ю, е и ѣ, я/ . Это изменение связано, по-видимому, с развитием категории одушевленности. Вместе с тем в устранении старых форм винительного падежа сыграла роль также их излишняя краткость и невыразительность. Распространение форм род. падежа в значении вин. падежа по памятникам прослеживается с XIII в. Однако в некоторых северновеликорусских говорах до сих пор сохраняется старая форма вин. падежа женского рода ю /"вижу ю"/.

В говорах довольно широкое распространение получила йотация основы местоимения в им. падеже: ён, ёна /яна/, ёно /яно/. Звук ј присоединяется под влиянием форм косвенных падежей /ј-его, ј-ему и т.п./ . Формы ён, яна, яно, мн. число яны - обычные формы современного литературного белорусского языка. В некоторых говорах /в том числе и в Причудье/ такая йотированная основа используется и в вин. падеже ед. числа женского рода - яну /ёну/.

4. Местоимение съ, си, се в истории русского языка подверг-

лось довольно заметным изменениям. Отметим, что его отдельные формы образовывались неправильно уже в праславянский период. Учитывая, что старая индоевропейская основа этого местоимения ⁺к- /отсюда славянское с-/, мы ожидали бы в род. и дат. падежах ед. числа форм с окончаниями твердого варианта местоименного склонения ⁺с-его, ⁺с-ому, или же, при наличии в основе -j, праславянских форм ⁺sj-ого, ⁺sj-ому, откуда в дальнейшем должны были бы получиться формы ⁺ш-его, ⁺ш-ему. Славянские формы косвенных падежей се́го, се́му и др. таким образом фонетически незакономерны.

В им. падеже ед. числа мужского рода уже в древнейших памятниках иногда встречается форма сии, образованная по типу полных форм прилагательных. С XIV в. появляется и другая форма - се́сь, образованная аналогично форме то́тъ, т.е. посредством удвоения основы /сь-сь/. Эта последняя форма довольно обычна в письменности до XVII в. Ср. в Судебнике 1550 г.: се́сь судебникъ... В им. падеже ед. числа женского рода с XIII в. появляется форма ся. Ср., например, в Смоленской грамоте 1229 г.: ся грамота.. Эта форма также встречается до XVII в. Однако в конце концов в литературном русском языке закрепляются формы сей /из сии/, сия, сие. В XIX в. местоимение сей постепенно вытесняется близким по значению местоимением этот. Сейчас это местоимение - архаизм. От него остались многочисленные пережитки - сегодня, сейчас, сию минуту, до сих пор, то да сё и др.; в качестве канцеляризованных употребительных оборотов при се́м, се́го года.

4. Местоимения кѣто и чѣто. Им. падеж этих местоимений после исчезновения слабых ъ и ѣ подвергался различным фонетическим изменениям. В соответствии с литературным кто в говорах широко распространена форма хто /результат диссимиляции согласных/; чѣто / што во многих говорах и в литературном произношении; встречаются кроме того формы щѣ, штѣ, чо. В тв. падеже местоимение кто утратило чередование: совр. кем при древнерусском цѣмь; местоимение что в тв. падеже подверглось влиянию твердых основ и получило форму чем /др.-русс. чимь/. Таким образом эти местоимения несколько сблизились в форме

тв. падежа /совр. кем - чем при др.-русск. цѣмь - чимь/.

Некоторые местоимения в русском языке постепенно вышли из употребления. Среди них местоимение овъ /овыи/ "иной, другой", переставшее употребляться еще в древнерусский период и не оставившее следов; местоимение иже "который" в живом русском языке, вероятно, также рано перестало употребляться; местоимение оныи /онъ/ "тот" вышло из употребления в XIX в.; его остаток - в выражении "во время оно"/означает "некогда, когда-то"/; было утрачено также местоимение кми /кии, кой/, отражающееся в некоторых производных местоимениях - кое-кто, некий - и в отдельных выражениях: в кои веки /в значении "очень редко"/, ни в коем случае, никоим образом, на кой черт и нек. под.

3. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

В древнейший период истории славянских языков имя прилагательное по своим формам и способам образования почти не отличалось от имени существительного. Прилагательные часто образовывались при помощи тех же суффиксов, что и существительные; их склонение соответствовало I и II склонениям имен существительных /основы на -а и на -о/. Отличие от существительных заключалось главным образом лишь в том, что прилагательные не имели самостоятельных категорий числа, рода и падежа, - они принимали соответствующие формы лишь в зависимости от господствующего имени существительного /быстръ конь, велико село, добра жена и т. п./.

Однако еще до появления славянской письменности наряду с прежними именными формами прилагательных стали распространяться новые формы, с особым склонением, напоминающим склонение неличных местоимений, - местоименные формы прилагательных. В древнерусском языке представлены оба типа прилагательных - как именные /иначе - краткие или нечленные/, так и местоименные /иначе - полные или членные/.

История кратких форм прилагательных

В древнерусском языке представлены краткие формы всех типов прилагательных, в том числе качественных /добръ, краснь/,

относительных /русьскъ, желѣзнь/, притяжательных /сестринъ, дѣдовъ/. Краткие прилагательные имели формы числа, рода и падежа. Ср. склонение кратких прилагательных в ед. и мн. числах:

Ед. число

Им. высокъ дубъ	быстра рѣка	сине море
Р. висока дуба	быстры рѣки	синя моря
Д. высокоу дубу	быстрѣ рѣцѣ	синю морю
В. высокъ дубъ	быстру рѣку	сине море
Тв. высокъмъ дубъмъ	быстров рѣкою	синьмъ морьмъ
М. высоцѣ дубѣ	быстрѣ рѣцѣ	сини мори

Мн. число

Им. высоци дуби	быстры рѣки	синя моря
Р. высокъ дубъ	быстрѣ рѣкъ	синь морь
Д. высокомъ дубомъ	быстрамъ рѣкамъ	синемъ моремъ
В. высоки дуби	быстры рѣки	синя моря
Тв. высоки дуби	быстрами рѣками	сини мори
М. высоцѣхъ дубѣхъ	быстрахъ рѣкахъ	синихъ морихъ

Таким образом, формы склонения кратких прилагательных не отличались от форм склонения имен существительных I и II склонений. Однако прилагательные не имели особой звательной формы — в функции обращения употреблялся им. падеж.

История кратких прилагательных сводится в сущности к двум основным моментам: потеря ими форм склонения и всех синтаксических функций, за исключением функции именной части сказуемого, и унификация родовых окончаний во мн. числе.

Утрата форм склонения краткими прилагательными находится в тесной связи с утратой синтаксической функции определения: краткие прилагательные все чаще употреблялись лишь в составе сказуемого, где не было надобности в формах косвенных падежей, в роли же определений постепенно закреплялись полные прилагательные.

В памятниках русского языка XI—XII вв. краткие формы прилагательных довольно свободно употребляются в косвенных падежах, в роли определений. Ср. в Остромировом ев.: ...на оутѣшение многомъ душамъ крѣстьянѣскамъ /дат. падеж мн. числа/. Однако уже в XIII—XIV вв. косвенные падежи кратких прилага-

тельных качественных и относительных употребляются сравнительно редко — начинается процесс их утраты. Датировка начала и завершения этого процесса весьма затруднительна: краткие формы косвенных падежей прилагательных в письменности сохраняются отчасти под влиянием церковнославянского языка, долго сохраняются также в фольклоре.

Возможно, что утрата разных косвенных падежей кратких прилагательных происходила одновременно. По-видимому, раньше других кратких падежных форм утратилась форма тв. падежа ед. числа мужского и среднего рода, так как она совпадала с формой мест. падежа ед. числа полных прилагательных. Ср.:

Тв. кратк. съ бистръмъ / коньмъ / 7 съ бистромь / конемъ /
М. полн. о бистромь / кони /

Поэтому уже в памятниках русского языка XIII в. краткая форма тв. падежа ед. числа прилагательных мужского и среднего рода не употребляется, заменяясь полной формой. Эту форму в XIII в. утрачивают и притяжательные прилагательные, которые вообще долго сохраняют прежние краткие формы. В Рижской грамоте ок. 1300 г. при сохранении ряда кратких форм притяжательных прилагательных в тв. падеже ед. числа все же используется полная форма: со розбонниковимъ товаромъ. Вероятно, сравнительно рано были утрачены также краткие формы косвенных падежей во мн. числе.

Краткие формы качественных и относительных прилагательных иногда можно еще встретить в роли определений в языке деловой письменности XVII в. Это главным образом формы им. и вин. падежей ед. числа и им. падежа мн. числа. Ср.: ...поднесъ государыне... крестъ золотъ, а въ немъ в главѣ яхонтъ лазоревъ великъ, продолговать.. /1627 г./; двѣ запоны велики четверугольни с алмази взяты у боярина... Черкасова /1638 г./. Иногда краткие формы в роли определений встречаются в литературном языке XVIII в. Ср. у Ломоносова: "героев слышу весел крик". В целях стилизации под фольклор краткие формы в XIX в. употребляет Пушкин:

Царь Салтан, с женой простясь,
На добра-коня садясь..

Из кратких форм косвенных падежей качественных прилага-

тельных весьма долго употреблялась форма дат. падежа ед. числа мужского рода в особой синтаксической конструкции "двойного дательного падежа", где эта форма носила некоторый оттенок предикативности. Ср. в "Книге о скудости и богатстве" Ивана Посошкова 1724 г.: аще пашня ему не пахать, то голодну быть. Ср. в пословице: "не до жиру, быть бы живу".

В современном русском языке пережитки склонения кратких качественных прилагательных сохраняются в наречиях и наречных выражениях: "на ббеу ногу", "среди ббда дня"; подобрбу-поздорбву, дбкрасна, вчрне, вкратце /последнее - из церковнославянского языка/.

Со старыми краткими формами прилагательных не следует смешивать искусственные усеченные формы, нередко встречающиеся в литературном языке XVIII и начала XIX в. /от собственно кратких форм они обычно отличаются ударением/. Ср. у Ломоносова: "поля покрыла мрбчна ночь..."; у Пушкина: "мы все сойдем под вбчны своды..". В говорах встречаются кроме того еще стяженные формы прилагательных, возникшие в результате фонетических процессов - выпадения звука *j* между гласными и слияния этих гласных /дбрая 7 добраа 7 дббра, дббруу 7 добруу 7 дббру /.

Краткие формы в функции определения в современном русском языке частично сохраняют лишь притяжательные прилагательные. Ср. современное склонение притяжательных прилагательных:

	Ед. число	Мн. число	
Им.	<u>отцов</u> , <u>отцова</u> , <u>отцово</u>	<u>отцовы</u>	Примечание: В склонении выделены краткие формы.
Р.	<u>отцова</u> , отцовой	отцовых	
Д.	<u>отцову</u> , отцовой	отцовым	
В.	<u>отцов</u> , <u>отцову</u> , <u>отцово</u>	<u>отцовы</u>	
Тв.	отцовым, отцовой	отцовыми	
М.	отцовом, отцовой	отцовых	

Еще сравнительно недавно притяжательные прилагательные сохраняли значительно больше кратких форм. В Уложении 1649 г. употребляются как норма краткие формы род., дат., мест. падежей ед. числа женского рода, мест. падежа ед. числа мужского рода: зъ государевы службы, государевъ казнъ убыль, на госуда-

ревѣ службѣ, въ государевѣ лѣсу. Подобные формы были употребительны в русском литературном языке I пол. XIX в. — их приводит А. Востоков в "Русской грамматике" 1831 г. В настоящее время в просторечии наблюдается тенденция заменять сохраняющиеся еще краткие формы притяжательных прилагательных полными формами /им. падеж ед. числа мужского рода отцовѣй, род. падеж отцового и т. п./.

Унификация родовых окончаний — второе значительное изменение в формах кратких прилагательных. В твердом варианте новыми общими формами становятся прежние формы женского рода на -и, ср. совр. добры, веселы для всех родов /др.-русск. добри, добри, добра/. В мягком варианте в качестве общей формы стала употребляться прежняя форма мужского рода с окончанием -и, ср. совр. сини, искренни /др.-русск. сини, синѣ, синя/.

Новые общие родовые формы начинают устанавливаться уже около XIV—XV вв.; однако у прилагательных с твердой основой с общей формой на -и некоторое время конкурирует форма на -и /прежняя форма мужского рода/. В XVII в. встречается целый ряд общих форм на -и: виновати, сыти, ради, голодни, богати и др. Особенно долго удерживается форма ради, которую можно встретить у Пушкина: "взять тебя мы все бы ради.." Эта форма встречается и в современных говорах.

История полных форм прилагательных

Как известно, полные формы прилагательных образовались в результате слияния кратких, именных форм с формами местоимения ⁺и, ⁺я, ⁺е. Склонение полных прилагательных представляет собой с исторической точки зрения комбинацию именного и местоименного типов склонения. Первоначально обе составных части полных прилагательных склонялись самостоятельно:

Им. ед. мужск. р.	добрыи	женск. р.	добрая
Род.	добра-его	⁺ добры-еѣ	/-еиѧ /
Дат.	добрѹ-ему	⁺ добрѣ-еи	и т. д.

Эти формы, в которых еще можно выделить именные и местоименные падежные окончания, отчасти засвидетельствованы памятниками старославянского языка. Однако в ряде форм еще до

возникновения славянской письменности произошли различные фонетические изменения, затемнившие их состав и приведшие к образованию новых падежных окончаний полных прилагательных; эти новые окончания составились из прежнего именного окончания и соответствующей падежной формы местоимения + и - его. Так, род. падеж ед. числа женского рода в старославянском языке имеет окончание -ѣа, в котором уже невозможно выделить прежний род. падеж местоимения /еа/.

Древнерусское склонение полных прилагательных. В памятниках древнерусской письменности весьма часто встречаются старославянские по происхождению формы полных прилагательных. Ниже мы приводим формы склонения прилагательных в древнерусском языке, учитывая лишь те формы, относительно которых есть основания предположить, что они употреблялись в живом языке XI-XII вв. независимо от старославянского влияния.

Твердые основы

Ед. число	Мн. число
Им. новѣи, новая, новое	новѣи, новѣѣ, новая
Р. нового /-аго/, новѣѣ /-ѣѣ/	новѣхъ /-нихъ/
Д. новому, новой	новѣмъ /-нимъ/
В. новѣи, новую, новое	новѣѣ, новѣѣ, новая
Тв. новѣмъ /-нимъ/, новою	новѣими /-ими/
М. новѣмъ, новой	новѣхъ /-ихъ/

Дв. число

И. В. новая /муж. р./, новѣи
Р. М. новою
Д. Т. новѣма /-ими/

Мягкие основы

Ед. число	Мн. число
Им. синѣи, синѣя, синѣе	синѣи, синѣѣ, синѣя
Р. синѣго /-аго/, синѣѣ /-ѣѣ/	синѣихъ /-ихъ/
Д. синѣму, синѣи	синѣимъ /-имъ/
В. синѣи, синѣю, синѣе	синѣѣ, синѣѣ, синѣя
Тв. синѣмъ /-имъ/, синѣю	синѣими /-ими/
М. синѣмъ, синѣи	синѣихъ /-ихъ/

Дв. число

И.В. синяя /муж.р./, синии

Р.М. синею

Д.Т. синима /-имма/

Следует иметь в виду, что в основе прилагательных на к, г, х в формах им.п.мн.числа мужского рода и им.-вин.дв.числа женского и среднего рода происходило чередование: великими - им.мн.муж.р. велиции, им.-вин.дв.жен.р. велициѣи.

В древнейших памятниках русского языка еще встречаются, может быть, под влиянием старославянского языка, нестяженные формы /с группой -ми- или -ии/ полных имен прилагательных в тв.п.ед.числа мужского рода, в род., дат., тв.и мест.п.мн.числа и в дат.-тв.дв.числа /новымиѣи и т.д./ . Однако с XIV в. используются уже почти исключительно стяженные формы /новимъ/. Нестяженные формы долго сохранялись в фольклоре, особенно в былинах, где их сохранение отчасти обуславливалось потребностями ритма. Ср. в Онежских былинах: "бьет он свистом Соловьиными, посвистом своим зверинными", ". . . всих купцов новгородскихих . . .", ". . . в помощь купцам новгородским".

Вообще же древнерусский язык знает главным образом стяженные формы полных имен прилагательных. Стяженные формы характерны и для позднего старославянского языка; однако древнерусские формы довольно часто отличаются от старославянских.

Особенности древнерусских окончаний падежных форм полных имен прилагательных. Свообразные окончания ряда падежных форм, содержащие гласный -о- или -е-, отражаются в русской письменности уже с XI в., в некоторых падежных формах - с XII в.

В род.падеже ед.числа мужского и среднего рода в XI в. используются окончания -аго и -ааго, которые обычны и в старославянском языке. Однако с XII в. в письменности начинают встречаться специфические русские формы с окончанием -ого /в мягком варианте -его/. Ср. в надписи новгородской Николиной церкви ок. 1149 г.: новгородьского; ростовьского; в надписи на чаре Владимира Черниговского ок. 1151 г.: великого; ряд примеров в Смоленской грамоте 1229 г.

В дат. падеже ед. числа мужского и среднего рода с XI в. встречается окончание -ому /-ему/ при старославянском -уму или -ууму. Ср. в Святославовом изборнике 1073 г.: благовѣръно-моу; в изборнике 1076 г.: вишьнемоу, ништемоу; в Минее 1096 г.: бѣсовьскомоу, в Минее 1097 г.: тихомоу. В грамотах XII-XIII вв. встречается уже исключительно -ому /-ему/.

В мест. падеже ед. числа мужского и среднего рода с XII - XIII вв. распространяется окончание -омь /-емь/ при старославянском -ѣмь, -имь, -ѣемь. Ср. в Смоленской грамоте 1229 г.: на готскомь березѣ.

В род. падеже ед. числа женского рода с XI в. встречается окончание -оѣ /-еѣ/ наряду с окончанием -иѣ /-ѣѣ/ при старославянском -иѣ, -иѣ. Например, в Архангельском ев. 1092 г.: святоѣ мученицѣ. Ср. окончание -иѣ /из -иѣ/ в Лаврентьевской летописи: землѣ рускиѣ.

В дат.-мест. падежах ед. числа женского рода с XI в. встречается окончание -ои /-еи/ при старославянском -ѣи /-иѣ/, например, в Словах Григория Богослова по списку XI в.: живои, в Смоленской грамоте 1229 г.: роуской, смольнеской.

Наконец, в род.-мест. падежах дв. числа с XI в. применяется окончание -ою /-ею/ при старославянском -ую /-юю/. Ср. в Новгородской I летописи: тою зломнслною князю.

Таким образом, помимо чисто фонетических различий и появления -ѣ в соответствии со старославянским -ѣа/о чем уже говорилось в связи со склонением имен существительных и местоимений/, в древнерусском языке используется ряд окончаний с гласным -о- /-е-, которые очень редко встречаются в старославянском языке и, по-видимому, отсутствовали в праславянском.

Русские формы на -ого, -ому и т. п. не могли возникнуть фонетическим путем. Так, в род. падеже ед. числа мужского рода из -а-его закономерно получается старославянское -ааго, -аго, но не -ого. Поэтому для русских окончаний следует искать морфологического объяснения.

Окончания -ого и под. возникли у полных прилагательных под влиянием склонения местоимений: доброто по аналогии того, доброѣ по аналогии тоѣ, синего по аналогии нашего и т. д.

Некоторые лингвисты /например, А.И.Соболевский/ относят появление новых форм к дописьменному периоду. Однако вполне возможно, что отдельные новые формы распространились уже в период письменности. Так, окончание род. падежа -ого /-его/ отмечается в памятниках лишь с XII в., а вытесняет собой более старое окончание -аго /соответствующее старославянскому окончанию/ в тех видах письменности, которые более полно отражают живой древнерусский язык, лишь начиная с XIII в. Возможно также, что в говорах употреблялись различные окончания падежных форм полных прилагательных и что кое-где сравнительно долго удерживались более старые, фонетически закономерные формы. Судя по данным письменности, в живом древнерусском языке в течение долгого времени использовались двойные формы род. падежа женского рода, на -оѣ /в дальнейшем -ое, -ой/ и на -ѣ /в дальнейшем -е/. Так, в Уложении 1649 г. отмечают: для рыбные ловли.

В литературном русском языке в области форм полных прилагательных довольно долго сохранялись некоторые архаизмы и старославянизмы. В частности, в род. падеже ед. числа по правилам старой орфографии писали -аго, притом до середины XIX в. независимо от ударения: добраго, большаго. Во II пол. XIX в. в подударных окончаниях все же стали писать -ого в соответствии с живым произношением; однако написание -аго в безударных окончаниях сохранялось вплоть до реформы орфографии в 1917 г. В род. падеже женского рода в XVIII и начале XIX в. в литературном языке было употребительно окончание -ья старославянского происхождения; ср. в известной песне, сочиненной в 1810-х годах: "среди долины ровныя..."

Унификация родовых окончаний во мн. числе - другое крупное изменение в области форм полных прилагательных.

Новые общие окончания в им. падеже мн. числа устанавливаются примерно к XV в. При этом в качестве общей для всех родов формы начинает использоваться форма на -ѣ /-иѣ/ - прежняя форма им.-вин. падежей женского рода твердых основ: совр. добрые /из добрѣѣ/ при др.-русск. добрѣи /муж.р./, добрѣѣ /жен.р./, добрая /ср.р./, высокие /из высокѣѣ/, синие /из формы.

синиѣ, образованной по аналогии прилагательных с твердой основой; старая форма женского рода - синиѣ / и т.п. Естественно, что прилагательные с основами на к, г, х при этом утрачивали чередование в основе /ср.: др.-русск. им.п. муж. рода высоци, друзии, сусии - совр. высокие, другие, сужие/. По традиции различные родовые формы во мн. числе иногда используются и после XV в., особенно прежние формы среднего рода. Можно отметить выражение "многая лета" /пожелание долголетия; многая - форма им. падежа мн. числа среднего рода/, в качестве архаизма иногда встречающееся в современном литературном русском языке; в канцелярском языке XIX - нач. XX в. употреблялось выражение "и прочая"/также форма мн. числа среднего рода/.

В дореформенной русской орфографии проводилось искусственное различие между формами мужского рода, с одной стороны, и женского со средним, с другой стороны, во мн. числе имен прилагательных: в мужском роде использовались окончания -ме, -іе /добрые, синіе/, в женском и среднем -ія, -ія /добрыя, синія/. Интересно, что по происхождению обе формы, как добрые, так и добрыя, представляют собой древний им.-вин. падеж мн. числа женского рода, но первая восходит к русскому варианту /добрѣ/, вторая же - к церковнославянскому варианту /ст.-слав. добрѣ/.

Остальные изменения в области полных прилагательных в общем совпадают с изменениями в формах местоимений, которые рассмотрены выше. Так, в род. падеже ед. числа женского рода конечный гласный -ѣ перешел в -е, а затем отпал в большинстве говоров русского языка /совр. добрѣй, синей/; в результате этого род. падеж совпал с дат. и мест. падежами. Отпадение конечного гласного происходило и в тв. падеже ед. числа женского рода /добрѣ / добрѣй/, так что в ед. числе женского рода прилагательных в конце концов совпали окончания четырех падежных форм. В род. падеже ед. числа мужского и среднего рода в северновеликорусских говорах распространилось окончание -ово, свойственное и современному литературному языку.

Сравнительная и превосходная степени

Качественные имена прилагательные в древнерусском языке обладали степенями сравнения. Формы степеней сравнения были в общем те же, что и в старославянском языке. В отличие от современного русского языка, сравнительная степень древнерусских прилагательных имела формы рода, числа и падежа; кроме того она могла быть краткой /именной/ и полной /местоименной/.

Сравнительная степень образовывалась двумя способами.

Первый способ, который в письменный период истории русского языка был уже не вполне продуктивен, заключался в следующем. К корню прилагательного присоединялся суффикс /я/ ьш, что вызывало чередование согласных, предшествовавших суффиксу; суффикс -ьш сохранялся во всех формах сравнительной степени, за исключением им. падежа ед. числа мужского рода и им. -вин. среднего рода. В им. падеже форм мужского рода имела окончания -и, среднего рода -е, в женском роде, помимо суффикса -ьш, прибавлялось еще окончание -и. Этим способом сравнительная степень образовывалась от корневых прилагательных, а также от прилагательных с суффиксами -ок и -ък, причем эти суффиксы отбрасывались. Ср.: молодь - ср. степень моложи /муж.р./, моложьши /жен.р./, моложе /ср.р./; тихь - ср. степень тиши, тишьши, тише; близькъ - ср. степень ближи, близьши, ближе. С исторической точки зрения суффикс имел в древнейшую эпоху следующий состав: -jъs-j во всех формах, кроме им. -вин. ед. числа среднего рода, и -jês в им. -вин. ед. числа среднего рода. Конечные согласные по закону открытых слогов в им. падеже ед. числа отпадали, поэтому в среднем роде от суффикса оставалось лишь -е /моложе \angle ⁺mol'd-jês/; в мужском роде должно было бы остаться -ь /⁺моложь/, но эта форма подверглась влиянию полных прилагательных в положительной степени и получила окончание -и /⁺моложь-и / моложи/.

Второй, более продуктивный способ заключался в присоединении к основе прилагательного суффикса -ьш, причем если основа оканчивалась звуками к, г, х, происходило чередование, и суффикс принимал форму -аш. И этот суффикс не был полностью

представлен в им.падеже ед.числа мужского и среднего рода. Ср.: сильнъ - ср.степень сильнѣи /муж.р./, сильнѣиши /жен.р./, сильнѣе /ср.р./; богатъ - богатѣи, богатѣиши, богатѣе; широко - широчаи, широчаиши, широчае. С исторической точки зрения этот суффикс образовался на базе первого, рассмотренного выше: был добавлен еще один суффиксальный элемент - долгое е, и таким образом состав суффикса в древнейший период для им.падежа ед.числа среднего рода - $\bar{e}j\bar{e}s$ и для всех остальных форм - $\bar{e}j\bar{e}s-j-$.

Многие прилагательные могли образовывать сравнительную степень обоими способами. Ср.: тихъ - тишьши или тишаиши, крѣпкъ - крѣпльши или крѣпъчаиши, старъ - старьши или старьши и т.п./приводим формы жен.рода, так как в них суффикс имеет полный вид/.

Некоторые прилагательные в древнерусском языке образовывали сравнительную степень от особой основы, отличавшейся от основы положительной степени. Ср.: великъ - болии, больши /правда, существовали и формы величаи, величаиши/, малъ - мьнии, мьньши.

Специальных форм превосходной степени в древнерусском языке не было. В старославянском языке для образования превосходной степени использовалась приставка наи-, присоединявшаяся к сравнительной степени; она используется иногда и в древнерусском языке /наисильнѣи и т.п./

Склонение кратких форм сравнительной степени. Краткие формы сравнительной степени в общем склонялись в соответствии с I и II склонениями имен существительных /мягкие основы/, с небольшими отклонениями.

Ед. число	Ми. число
Им. болии, больши, боле	больше, большѣ, больша
Р. больша, большѣ	большь
Д. большю, больши	большемѣ, большамѣ
В. большь, большю, боле /больше/	большѣ, большѣ, больша
Тв. большъмѣ, большею	больши, большами
М. больши, больши	большихъ, большахъ

Дв. число

И.В. больша /муж.р./, больши /жен, ср.р./

Р.М. большю

Д.Т. большема, большама, большема

В вин. падеже ед. числа среднего рода под влиянием других падежных форм мог появляться суффиксальный элемент -ъи /или -ѣиш/; иногда он появлялся и в им. падеже. В им. падеже мн. числа окончанием формы мужского рода было -е, по происхождению - окончание именных основ мужского рода на согласный звук /Ѹ склонение/.

Полные формы сравнительной степени образовывались присоединением форм местоимения +и-его к кратким формам. При этом форма им. падежа мужского рода не изменялась, так как уже краткая форма имела окончание -и или -и; полная форма им. падежа среднего рода обыкновенно содержала суффиксальный элемент -ъи или -ѣиш, проникавший из косвенных падежей. Таким образом, полные формы принимали следующий вид: моложи /муж. р./, моложьшия /жен. р./, моложьшее /ср. р./; болии, большия, большее; сильнѣи, сильнѣишия, сильнѣишее и т. д. Полные формы сравнительной степени склонялись в соответствии с мягким вариантом склонения прилагательных положительной степени, с отклонением в им. падеже мн. числа мужского рода. Приведем некоторые формы:

Род. ед. ч. большего, большеѣ

Им. мн. ч. большеи, большеѣѣ, большая

История форм сравнительной степени. Краткие формы сравнительной степени в русском языке постепенно стали неизменяемыми наречными формами; полные формы сохранили изменение, но потеряли значение превосходной степени.

Краткие формы постепенно утрачивали падежные, родовые и числовые различия. Этот процесс прослеживается по памятникам письменности начиная с XII в. Ср. случай утраты согласования сравнительной степени в Златоуструе XII в.: не еси богатѣ Давида /форма среднего рода вместо ожидаемой по смыслу формы мужского рода богатѣи/; в Пандектах 1296 г.: нѣсть соль /"посол"/ боле пославшаго /место болии/. В конце концов из

всех прежних форм сравнительной степени остается лишь форма им. падежа ед. числа среднего рода, которая начинает служить для всех родов, падежей и чисел; такого происхождения, например, современные формы ближе, хуже, ниже, богаче /I способ образования сравнительной степени/, сильнее, добрее, смелее /II /.

В современных формах сравнительной степени с точки зрения истории языка много различных неправильностей. Так, в этих формах часто содержится остаток бывшего суффикса -ш-, которого в форме среднего рода первоначально не было /он проник из формы женского рода или косвенных падежей, или же был включен в основу под влиянием полных форм сравнительной степени/: больше, меньше, лучше, старше и др. /др.-русск. боле, мьне, луче, старе/. Формы сравнительной степени на -ае после шипящих согласных во многих говорах и в литературном языке заменены формами на -е: легче, гибче, мельче /вместо др.-русских форм льгъчае и под./ . Формы сравнительной степени отдельных прилагательных взаимодействовали между собой; в результате такого взаимодействия появилась, например, форма глубже /др.-русск. глубле или глубочае; здесь повлияли, вероятно, формы ниже, ближе/.

Формы сравнительной степени на -ее оказались несколько продуктивнее, чем формы на -е. Ср. в говорах и просторечии: хуже, звончее, ловчее и т. п.

В севернорусских говорах получили широкое распространение формы сравнительной степени на -яе типа сильные, веселые. Они возникли по аналогии форм с основами на шипящие звуки - др.-русск. крѣпъчае и т. д. Такие формы встречаются и в московской письменности в течение XVII в., отчасти и в XVIII в. Из писателей XVIII в. ими часто пользовался Сумароков /посмирные, страшные, бодрые и даже злий - с утратой конечного гласного звука/; вообще же к концу XVIII в. эти формы устраняются из литературного языка.

Полные формы сравнительной степени в книжном языке постоянно сохранялись, однако с некоторыми изменениями в окончаниях и в строении основы.

Под влиянием положительной степени в женском роде устано-

вилось окончание -ая /сильнейшая - др.-русск. силньѣшия/; во мн. числе установилось общее для всех родов окончание. Под влиянием форм косвенных падежей в им. падеже ед. числа мужского рода появился суффиксальный элемент -ш- или -ейш- /совр. сильнейший - др.-русск. силньѣш/.

В русском литературном языке XVIII - XIX вв. полные формы сравнительной степени постепенно получили значение превосходной степени - высочайший, злейший и т. п. До середины XIX в. еще возможно было употребление подобных форм в значении сравнительной степени. Ср. у Жуковского:

..устами, сладчайшими меда,
вот что ему Дамаянти сказала...

Ср. также у Достоевского: "...о летней работе, впятеро тяжелейшей". В настоящее время значение сравнительной степени сохраняют главным образом лишь меньший и большой /ср. для превосходной степени образования с наи-: наименьший, наибольший/; некоторые формы могут выступать как в значении превосходной, так и в значении сравнительной степени /низший, высший/.

Следует отметить, что подобные формы превосходной степени носят книжный характер. В живом народном языке в соответствии с ними обыкновенно используются описательные формы: самый сильный, самый быстрый.

4. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Древнерусские числительные отличались от прочих имен главным образом своим значением. Формы и грамматические категории имен числительных в период древнейших памятников русского языка в общем соответствовали формам и категориям других частей речи. Порядковые числительные и в настоящее время грамматически ничем не отличаются от прилагательных. Однако в древности не имели особых форм и не выделялись своими грамматическими категориями также количественные числительные, которые в современном русском языке образуют ядро этой части речи и обладают некоторыми специальными грамматическими признаками, хотя и не вполне последовательно проведенными. Количественные числительные в древнерусском языке по своим

формам и категориям совпадали с местоимениями /местоименные падежные формы, изменение по родам и числам/ или же с именами существительными /именные падежные формы, принадлежность к определенному грамматическому роду, отчасти изменение по числам/.

Порядковые, а также собирательные числительные с точки зрения истории русского языка не представляют особенного интереса. Первые переживали те же изменения, что и прилагательные; вторые никогда не играли в русском языке большой роли. Поэтому основное внимание обратим на количественные числительные — наиболее характерную группу числительных.

Количественные числительные, их формы и образование

Среди количественных числительных, т.е. названий чисел, в древнерусском языке легко выделить две группы: I/ непроизводные числительные и б/ производные числительные. Последние в древнерусском языке с формальной стороны были весьма близки к словосочетаниям.

Непроизводные числительные. В группу непроизводных числительных входили: одинъ, два, оба, трие, четыре, пять, шесть, семь /седьмь/, осмь /восмь/, девять, десять, съто, тысяча. Числительные непроизводной группы почти все относятся к общиндоевропейской лексике. Славянским новообразованием является лишь числительное одинъ /праславянское *jedinъ - jedъnъ*, старославянское *единъ*/; числительное тысяча также не является общиндоевропейским — за пределами славянской языковой группы оно отражается лишь в балтийских и германских языках /ср. немецк. *tausend*, из древневерхненемецкого *tūszund* /. Славянское числительное девять /ст.-сл. *девать*/ имеет в других индоевропейских языках неполное соответствие, так как везде выступает начальное п- /латин. *novem*, немецк. *neun* и т.д. /. Предполагают, что у славян в этом числительном произошла диссимиляция согласных, в результате которой из первоначального ⁺ *nevent-is*, где дважды встречался звук п, получилось ⁺ *devent-is*, затем уже девать.

По формам словоизменения и синтаксическим особенностям не-

производные количественные числительные образуют две группы: числительные от "1" до "4" в древнерусском языке имели формы грамматического рода и согласовались в роде и падеже с именами существительными; числительные от "5" до "10", а также сто и тысяча не изменялись по родам, но принадлежали к определенному роду; они обладали способностью управления, требуя постановки имен существительных в род. падеже мн. числа.

Числительное одинъ, одна, одню склонялось в соответствии с твердым вариантом неличных местоимений. При этом в косвенных падежах, а также в формах им. падежа женского и среднего рода в основе вместо -и- появлялся -ь-. Ср.:

Им. одинъ, одна, одню	В. одинъ, одню, одню
Р. одного, одной	Тв. одньмъ, одной
Д. одному, одной	М. одной, одной

Числительное дѣва /муж.р./, дѣвѣ /жен., ср.р./ склонялось также по типу местоимений с твердыми основами, но принимало формы двойственного числа. Числительное трие /муж.р./, три /жен., ср.р./ склонялось по IY именному склонению, но с окончаниями множественного числа; числительное четыре /муж.р./, четыри /жен., ср.р./ склонялось также в формах множественного числа, но по типу именных основ на согласный звук /X/ склонение/. Формы склонения:

Им. В. дѣва, дѣвѣ	Им. трие, три	Им. четыре, четыри
Р. М. дѣвою	Р. трии	Р. четырь
Д. Т. дѣвѣма	Д. трьмъ	Д. четырьмъ
Подобно <u>дѣва</u> склонялось числительное <u>оба</u> /обою, обѣма/.	В. три	В. четыри
	Тв. трьми	Тв. четырьми
	М. трьхъ	М. четырьхъ

Следует иметь в виду, что не все из этих форм достаточно хорошо засвидетельствованы даже древнейшими памятниками русского языка.

Приведенные числительные, как указывалось выше, согласовались с существительными в роде и падеже, причем числительные принимали соответствующие формы числа - единственного /при числительном одинъ/, двойственного /при числительном

дѣва: дѣва берега, дѣвѣ руцѣ, род.п. дѣвою берегу и т.п./, множественного /при числительных трие, четыре: трие кони, три коровы, четыре кони, четыре коровы; в род.п.: трии конь, четыре коровѣ и т.п./.

Числительные от "5" до "9" склонялись по типу слов женского рода ІУ склонения /кость/; они сами относились к женскому роду и управляли именами существительными. Ср. в Ипатьевской летописи: вся 5 верховъ златая сторгѣ /"сгорели все пять позолоченных куполов"; вся и златая - согласование в женском роде с числительным пять/. Склонялись эти числительные в формах единственного числа.

Числительное "10", в отличие от числительных "5"- "9", относилось первоначально к мужскому роду и изменялось по У именному склонению, притом не только в формах единственного, но также множественного и двойственного чисел. Правда, формы множественного и двойственного чисел оно принимало лишь в составе сложных числительных. Приведем формы числительного "10":

Ед. число	Мн. число	Дв. число
Им. десять	Им. десяте	И.В. десяти
Р. десяте	Р. десять	Р.М. десяту
Д. десяти	Д. десятиѣмъ	Д.Т. десятиѣма
В. десять	В. десяти	
Тв. десятию	Тв. десятиѣми	
М. десяте	М. десятиѣхъ	

Склонение числительного десять отличалось от склонения имен существительных мужского рода У склонения лишь в тв. падеже ед. числа /десятию вм. [†]десятиѣмъ, ср.: каменьѣ/.

Имена существительные в сочетании с числительными "5"- "10" принимали форму род. падежа мн. числа /шесть коровѣ, десять медвѣдѣи/; при изменении словосочетаний менялось лишь окончание числительного, а существительное оставалось в форме род. падежа мн. числа /например, род.п. шесть коровѣ, тв. падеж десятию коровѣ и т.п./.

Числительные "5"- "10" по существу представляли собой счетные существительные, вроде современных пятак, пятерка, семерка.

Числительное сьто, в отличие от современного русского языка,

имело полный состав падежных форм, притом изменялось не только в единственном, но также во множественном и двойственном числах. Оно склонялось в соответствии со словами среднего рода II склонения /село/. Не отличалось по своим формам от имен существительных также числительное тысяча.

Производные числительные образовывались различными комбинациями рассмотренных выше основных числительных. Это — названия чисел от "II" до "I9", затем названия десятков от "20" до "90", названия сотен от "200" до "900" и названия различных сочетаний сотен, десятков, единиц.

Числительные от "II" до "I9" имели следующий состав: непроизводное числительное первого десятка + предлог на + числительное десять в форме мест. падежа ед. числа. Ср.: пять на десяте /I5/, дѣва на десяте /I2/, осмь на десяте /I8/ и т.д. Этими сочетаниями вначале выражалось значение, близкое к современным "пять сверх десяти" или "пять кроме десяти". При склонении изменялась только первая составная часть подобных сложных числительных:

Им. пять на десяте

Р. пяти на десяте

Тв. пятии на десяте и т.д.

Названия десятков состояли из непроизводных числительных "2"—"9" и соответствующих форм числительного десять: дѣвадѣсати "20" /числительное дѣва в форме муж. рода, числительное десять в форме им. падежа дв. числа/, тридѣсате "30" /десять в форме им. падежа мн. числа/, четыредѣсате "40", пятьдѣсать /десять в форме род. падежа мн. числа, поскольку числительные "5"—"9" требовали постановки зависимых слов в этой падежной форме/, девятьдѣсать и т.п. При изменении числительного дѣвадѣсати склонялись обе части, притом вторая часть — в формах дв. числа /напр., тв. падеж: дѣвѣдѣсатьма/; обе части склонялись также при изменении числительных тридѣсате и четыредѣсате, но вторая часть принимала формы мн. числа /наприме^р, род. п. тридѣсать, дат. п. трѣдѣсатьмѣ/. Числительные "50"—"90" склонялись лишь в своей первой части /напр., пятьдѣсать — тв. падеж пятидѣсать/.

Названия сотен образовывались и склонялись аналогично названиям десятков: двѣѣсѣтъ "200" /сѣто в им.падеже дв.числа/, трисѣта "300"/сѣто в им.падеже мн.числа/, четырисѣта "400", пятисѣтъ "500"/у числительных начиная с "500" вторая часть представляла собой сѣто в род.п.мн.числа - сѣтъ/. Ср. некоторые падежные формы этих числительных:

Им. двѣѣсѣтъ	трисѣта	шестисѣтъ	
Р. двѣюсѣту	трисѣтъ	шестисѣтъ	
Тв. двѣѣмасѣтома	трѣмисѣты	шестивисѣтъ	и т.п.

Сочетания десятков с единицами и сотен с десятками и т.д. образовывались как в современном русском языке. Ср., например, двадесѣти пятѣ - "25". Однако между составными частями таких числительных могли вставляться союзы и предлоги. Например, в актах XVII в.: цена по двѣцѣти по пятѣ алтынѣ /алтынѣ - три копейки; в приведенном примере числительное "20" имеет уже упрощенную форму, с современным склонением/.

История количественных числительных

Как известно, в древнерусской письменности числа часто обозначались буквами кириллицы: 1 - а, 2 - в, 100 - р, 50 - и и т.д. Поэтому изучать историю форм числительных труднее, чем историю других частей речи. История форм числительных строится, естественно, лишь на тех случаях, когда древнерусский писец всё же прибегал к словесному обозначению чисел.

Одинѣ. В древнерусском языке в формах женского и среднего рода, а также в косвенных падежах всех родов этого числительного употреблялась не только основа с редуцированным звуком /одѣн-, позднее одн-/, но и основа с гласным -и- /один-/: род. п. одиного, дат. п. одиному и т.п. Примерно к XVI в. параллельные формы с -и- утрачиваются; впрочем, формы с -и- закрепились в церковнославянском варианте этого числительного: единѣй, род. п. единого и т.п. Падежные окончания этого числительного подверглись влиянию местоимений с мягкой основой, поэтому в тв.падеже имеем форму одиним /вместо др.-русс. одѣнѣм/.

Дѣва. Старое склонение этого числительного довольно рано

начинает разрушаться.

Форма род. п. д/ъ/вою в памятниках письменности вообще встречается не особенно часто, хотя и вплоть до XVII в. Один из последних случаев ее употребления — в грамоте 1606—1610 гг.: больше двою рублей. В современном русском языке эта старая форма отражается в составе слова двойродный. Наряду с ней в памятниках начиная с XIII в. встречается новая форма дву. Ср. в Новгородской кормчей 1282 г. /"Русская правда"/: на двою коню. Эта форма в древнерусском языке весьма обычна вплоть до XVII в. Изредка ее можно встретить даже в XVIII в., например, в указе мануфактур-коллегии 1752 г.: послать..дву салдат. Форма на —у возникла, несомненно, под влиянием род.-мест. падежа дв. числа имен существительных /дъвою столу / дву столу /. Она отражается в современном русском языке в составе некоторых сложных слов — двусторонний и т. п. /но ср. в более поздних словосложениях: двухэтажный, двухметровый и т. д. /.

С течением времени, уже в период утраты категории дв. числа и его особых окончаний, форма дву начинает восприниматься как основа косвенных падежей числительного два, и от нее образуются все формы косвенных падежей.

Для дат. п. уже в XIV в. применяется новая форма двумъ: ср. в московской грамоте 1350—1351 гг. молодымъ двумъ. В качестве общей формы род.-мест. падежа с конца XV в. употребляется форма двухъ, например, в грамоте 1490 г.: тѣхъ двухъ полоняников /"тех двух пленников"/. В XVII в. форма двухъ становится уже более обычной, чем форма дву. Наконец, около XVII в. появляется новая форма тв. п. двумя.

Возникновение новых форм двухъ, двумъ было вызвано отчасти утратой категории дв. числа и характерных для него окончаний в сфере местоимений, прилагательных и существительных, отчасти же влиянием окончаний соответствующих падежных форм мн. числа различных имен, в том числе и числительных три, четыре /дат. тремъ, четыремъ, мест. трехъ, четырехъ/. Несколько сложнее обстоит дело с окончанием тв. п. —у-мя /с мягким —м-/. По-видимому, смягчение согласного в этом окончании было вызвано

мягкостью его в тв.п. числительных три, четыре /треми, четырьми/, а также других частей речи.

Следует отметить, что в древнерусском языке XV—XVII вв. употреблялись и различные другие формы дат. и тв. падежей числительного два, в том числе двѣмъ /образовано от старой формы двѣма/, двѣми и двуми /окончание -ми - под влиянием формы треми, четырьми/, двѣмя. Некоторые из этих параллельных форм изредка встречаются еще в XVIII в., например, двуми в указе 1740 г.

К одним из ранних изменений относится приобретение формой д/ъ/ва значения среднего рода /наряду со значением мужского рода/. Вообще форма д/ъ/вѣ со значением не только женского, но и среднего рода встречается лишь в древнерусской церковной письменности и в летописях; ср. в Лаврентьевской летописи: двѣ лѣтъ. В памятниках деловой письменности с XIII в. форма двѣ употребляется лишь в значении женского рода, а форма два имеет значение как мужского, так и среднего рода; ср. в Духовной грамоте новгородца Климента 1270 г.: даю два села. Это изменение связано с утратой словами среднего рода особого окончания -ѣ в им.-вин. падеже дв. числа.

В то время как в русском языке для косвенных падежей обобщилась основа дву-, в украинском языке формы косвенных падежей стали образовываться от основы дво-; возможно, что эта новая основа возникла в результате переразложения старой формы род.-мест. падежа д/ъ/воу, где в качестве окончания стали воспринимать лишь -ю. Так объясняются современные украинские формы род.-мест. двох, дат. двом, тв. двома. В памятниках эти формы отмечаются сравнительно поздно, с XVI в.

Числительное оба - обѣ имело в древности те же формы, что и числительное дѣва /р.-м. обоу, д.-тв. обѣма/. Однако в дальнейшем оно пошло по другому пути развития. В конце концов образовались параллельные основы косвенных падежей обо- и обѣ-, вероятно, в результате переразложения форм род.-мест. /обо-ю/ и дат.-тв. /обѣ-ма/ падежей. Первоначально эти формы употреблялись вне связи с определенным грамматическим родом; с XIX в. в русском литературном языке основы на -е /из -ѣ/ стали

употребляться со значением женского рода, а формы, образованные от основы с гласным -о-, в значении мужского и среднего рода: женск.р. обеих, обеим, обеими - муж.и ср.р. обоих, обоим, обеими.

Три, четыре. Одним из наиболее ранних изменений в формах этих числительных является утрата родовых различий - в значении всех родов начинают употребляться формы три /старая форма жен.и ср.р./ и четыре /старая форма муж.р./. Случаи неправильного использования форм рода встречаются уже в памятниках XI в., например, в Святославовом изборнике 1073 г.: три дружи /место: трие дружи/. Однако в XI в. подобные случаи могут быть и результатом влияния старославянского языка, в котором происходил аналогичный процесс. В памятниках деловой русской письменности форма три в значении мужского рода отмечается с XIII в. Ср. в Новгородской кормчей 1282 г.: избраща три брата.

Под влиянием местоимений и прилагательных в род.падеже обоих числительных начинает употребляться форма, общая с формой местного падежа: вместо др.-русск. трии, четыреъ - формы трехъ, четырехъ /из трѣхъ, четырѣхъ/. Здесь могло оказать влияние и числительное два, у которого род.и мест.падежи совпали. Новые формы род.падежа установились около XV в. Наряду с ними в письменности иногда встречались и формы род.падежа трею, четырею /с окончанием -е-ю, возникшим под влиянием форм двою/. Ср. в Псковской I летописи: отъ трею братью.

Формы дат.падежа числительных три, четыре сохранилась /соврем. трем, четырем из др.-русск. трѣмъ, четырѣмъ/; однако в XV-XVI вв. были довольно широко употребительны параллельные формы на -ма, служившие также для твор.падежа: трема, четырема /влияние формы двѣма/. Ср. в грамоте 1498-1505 гг.: къ трема березамъ.

В тв.падеже окончанием служило -ьми. Формы с этим окончанием довольно часто встречаются в XVII в., например, в "Житии" Аввакума: за четырьми замками. Однако с XV в. встречаются также формы с окончаниями -ма и -мя, последнее, например, в Ипатьевской летописи. Окончание -мя стало нормальным окончанием тв.падежа в северновеликорусских говорах и в литературном

русском языке; в южновеликорусских говорах сохранилось окончание -ми, причем оно было воспринято и числительным два /тв. п. двуми/.

Таким образом, с течением времени падежные формы числительных два, три, четыре сблизились - установилось несколько общих окончаний:

Р.М. дву-х, тре-х, четыре-х

Д. дву-и, тре-и, четыре-и

Тв. дву-мя, тре-мя, четыре-мя

Сближение падежных форм числительных "2"- "4" происходило также в украинском и белорусском языках, однако в тв. падеже в качестве общего окончания в этих языках установилось -ма; ср. белорусск. двума, трыма, чатырма.

Общие падежные окончания числительных "2"- "4" иногда оказывали влияние и на формы других количественных числительных. Так, в древнерусском языке у различных числительных можно встретить окончание тв. падежа -ма или -мя. Ср. в Соловецкой грамоте 1561 г.: шестыма; в актах 1593 г.: тридцатьма. Широкое распространение получили окончания числительных "2"- "4" в украинском языке, где они стали нормальными окончаниями числительных от "5" до "20" и др. Ср.: п'ять - род. п'ятьох, дат. п'ятьом, тв. п'ятьма. Подобное явление наблюдается и в говорах белорусского языка: пяць - род. пяцёх, дат. пяцём, тв. пяцьма или пяцьмі /литер. белорусск. род.-дат. пяці, твор. пяццю/; дваццаць - род. дваццацёх и т.п.

Пять - десять. Эти числительные в отношении форм в русском языке мало изменились. Имели место некоторые фонетические изменения: так, осми / восми / восемь. Числительное семь, возможно, имело в древнерусском языке параллельную форму седмь /ср. седьмой/, но эта форма не закрепились в русском литературном языке. В косвенных падежах числительного шесть наблюдалось иногда выпадение гласного /по аналогии случаев с выпавшим слабым редуцированным/; в связи с этим в древнерусском языке до XVII в. включительно встречаются формы род.-дат.-мест. падежей в виде шти /с упрощением группы огласных/. Числительное десять окончательно перешло в склонение типа кость и утратило формы мн. и дв. чисел. Наконец, следует отметить, что

числительные этой группы утратили родовую принадлежность и не относятся больше ни к какому грамматическому роду /ср. соврем.: те пять человек - др.-русск.: та пять человекъ/.

Одиннадцать и под.; двадцати, три/е/десяте. Основное изменение у этих числительных заключается в том, что прежние словосочетания окончательно превратились с течением времени в слова. Вторая часть числительных при этом редуцировалась и сократилась: десяте /десяти/ 7 -тцать /орфографически -ццати/ Сокращенные формы числительных распространились уже в XIY в. Ср. в московской грамоте 1389 г.: одинатцать, триццать, два-тцать. Вместе с тем вторая часть, которая прежде не изменялась /"II"-"I9"/ или же изменялась в формах двойственного и множественного чисел /"20", "30"/, стала склоняться по типу кость с окончаниями единственного числа /-и, -ьм/. В течение некоторого времени склонялись обе части; так, в письменности XVI и XVII вв. встречаются формы род. падежа двунадцати, трехънатца-ти, пятинатцати. Сейчас эти числительные склоняются лишь во второй своей части.

Пятьдесят и под. У этих числительных изменение заключается в том, что стала склоняться и вторая часть, прежде не изменявшаяся:

Др.-русск.	Соврем. русск.
Им. пятьдесят	пятьдесят
Р. пятидесятъ	пятидесяти
Тв. пятидесятъ	пятьдесятью и т.д.

Сорокъ, девяносто. Вместо древнерусских числительных четыре-десяте и девятыдесятъ с XIII-XIV вв. распространяются слова сорокъ и девяносто, неизвестные за пределами восточнославянских языков /ср., например, совр. польск. czterdzieści "40"/. Происхождение этих новых числительных до сих пор не выяснено окончательно. По поводу числительного сорокъ высказывалось мнение, что оно заимствовано из среднегреческого языка. Однако более правильной представляется другая точка зрения, согласно которой это числительное получилось из существительного сорокъ в значении "мешок". В древности такими мешками - сороками - считались беличьи шкурки, по четыре десятка в мешке

/на одну шубу/. Ср. в двинской грамоте к.ХІУ-ХУв.: а взял есмь пять сороковъ бѣлки. Что касается числительного девяносто, то оно получилось, как полагают, в результате фонетических изменений из словосочетания десять-до-сѣ/та или девять-до-сѣ/та.

Оба эти числительные в русском языке сохранили по одной форме для всех косвенных падежей: сорока и девяноста.

Числительное съто также утратило старые формы склонения, за исключением род. падежа на -а, который стал служить и для других падежей.

Дѣвѣсѣтъ и под. У числительного дѣвѣсѣтъ изменилось окончание им. падежа: совр. двести /старая форма встречалась до ХVII в. включительно/. Что касается форм косвенных падежей, то числительное по-прежнему изменяется в обеих своих частях; однако во второй части прежние окончания дв. числа заменились окончаниями мн. числа /-сот, -стам, -стами, -стах/, а окончания первой части преобразовались в связи с изменением склонения числительного два /двух-, двум-, двумя-/.

В склонении числительных триста и четыриста также несколько изменились обе составные части: первая - в связи с изменением падежных форм числительных три и четыре, вторая - в связи с изменениями в формах мн. числа имен существительных II склонения. Современная форма им. падежа четыриста /вм. четырисѣта/ образовалась в связи с тем, что форма четыре стала употребляться для всех родов, а форма четыри была утрачена.

Изменение в склонении числительных пятьсѣтъ - девѣтсѣтъ заключается в том, что стала склоняться также их вторая составная часть, подобно тому, как она склоняется у числительных триста и четыриста: совр. род. п. пятисот, дат. пятистам и т.д.

Числительное тысяча в отличие от прочих числительных, рассмотренных выше, сохранило свою родовую принадлежность /жен. род - одна тысяча/. Из его падежных форм изменилась лишь форма тв. падежа - совр. тысячѣю при др.-русск. тысячѣю. Возможно, что это изменение вызвано влиянием числительных пять-десять.

Порядковые и собирательные числительные

Порядковые числительные в древнерусском языке: първъ, въторъ или другъ, третии, четвъртъ, пятъ, шесть, седмь, осмъ, девятъ, десять и т.п. Все они имели уже в древности как краткие, так и полные формы, за исключением числительного третии, которое в памятниках встречается только в полной форме. Краткие формы, изменявшиеся подобно кратким прилагательным, постепенно были утрачены; их остатки - в выражениях типа сам-пят, сам-шост, сам-друг /используются для определения урожая: сам-пят означает "в пять раз больше, чем посеяно"; иногда также в значении "впятером", "вшестером", "вдвоем"/. Полные формы порядковых числительных переживали те же изменения, что и полные формы прилагательных. Особо можно отметить порядковое числительное седьмой при количественном семь. Эта форма может быть объяснена старославянским влиянием /ст.-сл. седмь, седми/; однако возможно и то, что по говорам были известны обе формы издавна.

С основами порядковых числительных связаны по образованию древнерусские названия дробей. Впрочем для обозначения половины употреблялось слово поль /оно относилось к III именному склонению/. Остальные названия дробей: треть или третина, четвъртъ или четвъртина /или, сокращенно, четь/, пятина, десятина и т.п. Некоторые дроби обозначались сложными словами с поль- в качестве первой части; так, $\frac{1}{6}$ называли польтрети, $\frac{1}{8}$ - польчети, $\frac{1}{16}$ - польпольчети и т.д.

При помощи порядковых числительных в древнерусском языке образовывались особые названия единиц с дробями, сотен и десятков с полусотнями и полудесятками. Ср.: полъ/вътора - $\frac{1}{2}$, полъ/въторасъта - 150, полъ третия десяте - 25. Принцип образования подобных числительных: подразумевается целая единица и половина второй единицы / $\frac{1}{2}$ / или целая сотня и половина второй сотни /150/, или два целых десятка и половина третьего десятка /25/. Такие своеобразные числительные употреблялись еще в XVII в., но с некоторыми фонетическими изменениями, например, полтретьятцать /25/; ср. в Уложении 1649 г.: по полуосмь денгъ / $\frac{7}{8}$ /. Их пережитки в современном русском языке -

числительные полтора и полтора́ста.

Собирательные числительные в древнерусском языке были представлены образованиями двух типов: дѣвои, дѣвои, дѣвое /также трои, обои/ и четырь, четвера, четверо /шестерь, десятерь и т. п./ . Эти числительные имели формы рода и числа, склонялись отчасти по мягкому местоименному склонению /дѣвои, род. п. дѣвоего и т. д./, отчасти по именному склонению /четырь, род. п. четвера, дат. п. четверу и т. д./ . Значение этих числительных было не вполне определенным – иногда близкое к количественным числительным, иногда близкое к "двойной", "тройной" или "двойкий", "тройкий" и т. д. Ср. в Ипатьевской летописи: двоа радость /"двойная радость"/ .

Собирательные числительные постепенно утратили в им. падеже особые формы рода и числа, которые были еще возможны в XVI и XVII вв. Ср. в памятниках XVI–XVII вв.: двои денги; на ужинѣ двоа рыба /"рыба двух сортов"/; обои государи. В современном русском языке сохранились лишь формы ед. числа среднего рода этих числительных – двое, трое, четверо, десятеро; притом числительные уже не согласуются с существительными, но управляют ими /четыре друзей/; в косвенных падежах они получают окончания мн. числа: род. п. двоих друзей, дат. п. двоим друзьям и др.

Ограничилась и сфера применения собирательных числительных – сейчас они употребляются лишь применительно к названиям лиц главным образом мужского пола /трое солдат, мужиков, рабочих и т. д./ и к существительным, не имеющим форм ед. числа /двое саней/; изредка – в некоторых других случаях. Значение "двойкий", "двойной" собирательными числительными утрачено.

+ +

+

С течением времени имя числительное как особая часть речи получила в русском языке некоторые новые грамматические признаки и таким образом несколько отграничилось от прочих имен. Правда, новые признаки появились преимущественно у количественных числительных, образующих основное ядро этого класса слов. Числительные два, три, четыре получили новые падежные

окончания, причем иногда, как мы видели, эти окончания воспринимались и другими числительными, т.е. проявлялась тенденция объединения всех количественных числительных в одном типе склонения /эта тенденция нашла довольно полное выражение в украинском языке/. Вместе с тем указанные числительные отделились от местоимений и прилагательных в том отношении, что утратили в исходной форме согласование с именами существительными и стали образовывать с ними неразложимые количественно-именные сочетания; три и четыре кроме того перестали изменяться по родам. Числительные начиная с пяти, прежде не отличавшиеся от существительных по своим грамматическим категориям, с течением времени утратили /за исключением числительного тысяча/ категорию рода, т.е. принадлежность к определенному грамматическому роду, и в этом отношении обособились от существительных. Числительные десять и сто утратили изменение по числам. Вместе с тем числительные начиная с пяти лишились своих прежних синтаксических свойств - в косвенных падежах они стали образовывать с существительными согласуемые сочетания, т.е. потеряли способность управления. Утрата способности управления сблизила эти числительные с числительными два, три, четыре. Ср.:

Др.-русск.	Им. три столи	пять столъ	
	Тв. трѣми столы	пятию столъ	и т.д.
Севр.	Им. три стола	пять столов	
	Тв. тремя <u>столами</u>	пятью <u>столами</u>	и т.д.

Таким образом в течение письменного периода истории русского языка, особенно в XIII-XVII вв., имя числительное, которое первоначально представляло собой преимущественно лексический класс слов, получило некоторые характерные грамматические признаки.

Л и т е р а т у р а

- Булаховский Л.А., Курс русского литературного языка, том II /исторический комментарий/, Киев, 1953.
- Дурново Н., Очерк истории русского языка, М., 1924.
- Иорданский А.М., История двойственного числа в русском языке, Владимир, 1960.
- Кузнецов П.С., Историческая грамматика русского языка, Морфология, М., 1953.
- Обнорский С.П., Именное склонение в современном русском языке, I-II, Л., 1927-1931.
- Соболевский А.И., Лекции по истории русского языка, изд. 4, М., 1907.
- Супрун А., О русских числительных, Фрунзе, 1959.
- Черных П.Я., Историческая грамматика русского языка, изд. 2, Учпедгиз, 1954.
- Шахматов А.А., Историческая морфология русского языка, Учпедгиз, 1957.
- Якубинский Л.П., История древнерусского языка, Учпедгиз, 1953.

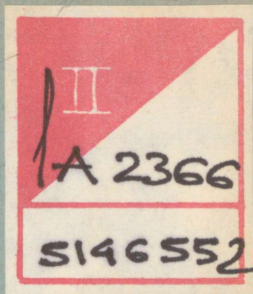
ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
1. Имя существительное	5
Система склонения имен существительных.....	5
Судьба отдельных типов именного склонения.....	15
Взаимодействие твердых и мягких вариантов склонения имен существительных.....	26
Сближение падежных форм во множественном числе.....	29
Исчезновение чередований согласных в склонении имен существительных.....	34
Утрата звательной формы.....	35
Развитие категории одушевленности.....	36
Утрата двойственного числа имен существительных.....	40
2. Местоимение.....	45
Личные и возвратное местоимения.....	46
Неличные местоимения.....	50
3. Имя прилагательное.....	60
История кратких форм прилагательных.....	60
История полных форм прилагательных.....	64
Сравнительная и превосходная степени.....	71
4. Имя числительное.....	75
Количественные числительные, их формы и образование.....	76
История количественных числительных.....	80
Порядковые и собирательные числительные.....	87
Литература.....	89

MEMORANDUM

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page]

Hind 20 kop.

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00514655 2